

Story

ЖИЗНЬ ГЕЙШИ

МИНЭКО
ИВАСАКИ

МЕМУАРЫ
САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ
ГЕЙШИ В МИРЕ

ПРОТОТИП
ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ
КНИГИ И ФИЛЬМА
«МЕМУАРЫ
ГЕЙШИ»

БОМБОРА

Замок из стекла. Книги о сильных
людях и удивительных судьбах

Минэко Ивасаки

**Жизнь гейши. Мемуары
самой известной гейши в мире**

«ЭКСМО»

2002

УДК 821.111-94(520)
ББК 84(5Япо)-44

Ивасаки М.

Жизнь гейши. Мемуары самой известной гейши в мире /
М. Ивасаки — «Эксмо», 2002 — (Замок из стекла. Книги о
сильных людях и удивительных судьбах)

ISBN 978-5-04-186059-2

«Гейша постоянно находится в свете софитов. Ее задача — угодить публике, используя все имеющиеся в арсенале навыки. Она — будто изящная ива, которая склоняется, чтобы услужить, и создает у окружающих настроение легкое и расслабленное. Настоящая гейша никогда не бывает одна. Я же по природе своей всегда была существом упрямым, своенравным, превыше всего на свете ценила уединение. Большую часть раннего детства я провела, спрятавшись в темной кладовой. Мне не нужны были другие люди — я хотела быть сама по себе. Странно, правда? Я будто нарочно выбрала самый сложный путь, на протяжении которого только и делала, что боролась с собой».

УДК 821.111-94(520)

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-186059-2

© Ивасаки М., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

1	8
2	15
3	20
4	25
5	27
6	33
7	40
8	43
9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Минэко Ивасаки

Жизнь гейши

Мемуары самой известной гейши в мире

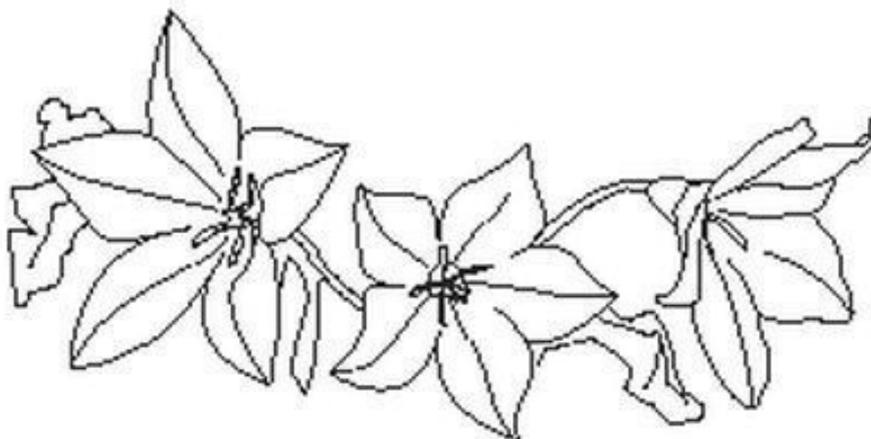
Mineko Iwasaki
Geisha, a Life

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2002 by Mineko Iwasaki
Atria Books, a Division of Simon & Schuster, Inc., is the original publisher.
© Кикина И.Е., перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

В ЯПОНИИ, ОСТРОВНОМ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ, есть особые кварталы, называемые карюкай. Они созданы исключительно для получения эстетического удовольствия. Именно там живут гейши.

Карюкай в дословном переводе означает «мир цветов и ив». Каждая гейша, как цветок, красива по-своему и, словно ива, изящна, гибка и сильна.

До сих пор ни одна гейша не рассказывала свою историю широкой публике. Мы не только носим традиционные одежды – нас связывают неписанные правила, охраняющие детали нашего исключительного ремесла.

И все же отчего-то мне кажется, что пришло время говорить открыто. Я хочу, чтобы вы узнали, какова на самом деле жизнь гейши – жизнь, полная высочайших профессиональных

требований и щедрых вознаграждений. Меня не раз называли лучшей гейшей своего поколения. Не берусь утверждать наверняка, однако самой успешной я точно была¹. И все же настал момент, когда моя жизнь показалась мне слишком тесной – тогда я просто закрыла эту страницу. Но воспоминания остались – я берегла их до сегодняшнего дня². Итак, начнем.

Меня зовут Минэко³.

Когда я родилась, отец выбрал для меня совсем другое имя. Минэко – мой рабочий псевдоним. Я получила его в пять лет. Так нарекла меня глава дома, в котором я воспитывалась гейшей, – госпожа Оима Ивасаки.

Дом Ивасаки располагался в городе Киото, в квартале Гион-кобу, самом знаменитом и традиционном из всех карюкай. В этом квартале я провела всю свою профессиональную жизнь.

В пять лет я переехала в дом гейш Ивасаки, в шесть начала учиться этому искусству. Когда мне было десять, семья Ивасаки официально удочерила меня и сделала наследницей всего своего бизнеса и имущества.

В Гион-кобу мы называем друг друга не гейшами (что значит «человек искусства»), а «гэйко» («женщина искусства»). Одна из разновидностей гэйко, прославившаяся на весь мир и ставшая символом Киото, – это юная танцовщица «майко», то есть «женщина танца». Я буду использовать термины «гэйко» и «майко» на протяжении всей книги.

Я обожала танец. Он стал моей страстью, и посвятила себя ему без остатка. Я поставила себе цель стать лучшей танцовщицей – и своего добилась.

Именно танец поддерживал меня, когда прочие профессиональные обязанности становились слишком тяжелы – в буквальном смысле этого слова. Я вешу сорок один килограмм. А вес полного кимоно с украшениями для волос составляет около восемнадцати килограммов. И носить его непросто.

В двадцать лет я «перевернула воротник», то есть совершила ритуал перехода из майко во взрослую гэйко. И чем дальше, тем сильнее давила на меня косная, архаичная система, в которой мы тогда существовали. Много раз я пыталась начать изменения, которые позволили бы гэйко получать образование, сделали бы их финансово независимыми. Безрезультатно. В конце концов, разочаровавшись в своих силах, я решила отойти от дел. Этот шаг я совершила на пике успеха, в возрасте двадцати девяти лет, к ужасу окружающих. Я закрыла дом Ивасаки, который к тому времени уже находился под моим управлением, упаковала драгоценные кимоно и ювелирные украшения и покинула Гион-кобу. Сейчас я замужем, у меня есть дочь, которую зовут Косукэ.

В те годы, когда я жила в карюкай⁴, Япония вступила в период радикальной трансформации, превращаясь из постфеодального государства в современное. Однако мы существовали в отдельном мирке, особом царстве, природа которого состояла в сохранении освященных временем традиций прошлого. И я была предана этой цели.

В начале пути майко и гэйко живут и учатся в меблированном доме, который называется окия. Обычно этот термин переводят как «дом гейш». Жесткий режим, в котором они существуют, по напряженности сравним с распорядком прима-балерины, концертирующей пианистки или оперной певицы в западном мире. Владелица дома окия помогает гэйко войти в профессию, а затем, после дебюта девушки, снабжает ее клиентами. Молодая гэйко остается в

---

¹ Минэко не раз получала приглашения на банкеты со знаменитостями. Она развлекала таких известных людей, как Джеральд Форд, Альдо Гуччи, принц Чарльз и королева Елизавета II, и зарабатывала около 500 тысяч долларов в год.

² Американский писатель Артур Голден использовал информацию, полученную во время интервью с Минэко Ивасаки, при написании своей знаменитой книги «Мемуары гейши». Книга вышла в свет в 1997 году и имела успех, однако, по мнению Минэко, грешила фактическими ошибками. Чтобы исправить ситуацию, она решила написать собственные мемуары.

³ Здесь и далее японские термины и имена собственные даны в транскрипции Поливанова, за исключением слов, закрепившихся в русском языке в ином написании (Киото, Йокогама, сашими, сайонара и т. д.). (Прим. пер.)

⁴ Речь идет о 1960–1970 гг.

окия минимум на пять лет, которых должно хватить, чтобы вернуть потраченные на ее образование средства. По истечении этого срока она может жить отдельно, поддерживая, однако, агентские взаимоотношения с окия.

Исключение составляет гэйко, которую назначили атотори, то есть наследницей дома. Она носит фамилию окия по рождению или после того, как ее официально удочерили (как это случилось со мной), и живет в доме на протяжении всей своей профессиональной карьеры.

Майко и гэйко выступают в отяя – элитных заведениях, предназначенных для торжественных банкетов. Часто «отяя» буквально переводят как «чайный дом». Его посетители – избранные, специально приглашенные клиенты.

Что до широкой публики, то ей остается лишь ждать появления танцовщиц на разного рода ежегодных мероприятиях. Самое известное из них – Мияко Одори («Танцы столицы»)⁵, оно проходит в театре нашей ассоциации, Кабурэндзо, в апреле.

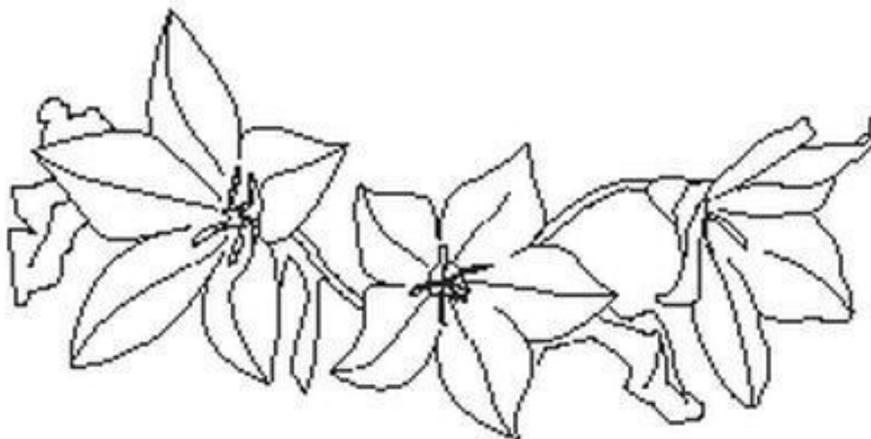
Жизнь гейш, или, в моем случае, гэйко, окружена тайнами. Зачастую люди неверно трактуют саму суть нашего ремесла. Надеюсь, моя история поможет хоть немного рассеять окружающий его туман.

Приглашаю вас отправиться со мной в необычайный мир Гион-кобу.

---

⁵ Столицей на тот момент уже был Токио, но в названии сохранено значение Киото как старой, культурной столицы.

1

В своем выборе профессии я вижу немало иронии. Трудно было бы найти ребенка, столь неподходящего на роль гейши.

Гэйко высшего класса постоянно находится в свете софитов. Ее задача – угодить публике, используя все имеющиеся в арсенале навыки. Она – будто изящная ива, которая склоняется, чтобы услужить, и создает у окружающих настроение легкое и расслабленное. Настоящая гэйко никогда не бывает одна.

Я же по природе своей всегда была существом упрямым, своенравным, превыше всего на свете ценящим уединение. Большую часть раннего детства я провела, спрятавшись в темной кладовой. Мне не нужны были другие люди – я хотела быть сама по себе.

Странно, правда? Я будто нарочно выбрала самый сложный путь, на протяжении которого только и делала, что боролась с собой.

Думаю, что если бы я не попала в карюкай, то стала бы буддистской монахиней. Или сотрудницей полиции.

Так с чего же маленькая девочка, обожающая родителей, вдруг решила их оставить? Предала ли я их, когда оставила отчий дом?

Позвольте рассказать вам, как все произошло.

За всю свою жизнь я была по-настоящему счастлива лишь в раннем детстве, когда жила в доме родителей. Счастье в данном случае означает чувство свободы и защищенности – я была еще очень мала, но меня оставляли в покое и позволяли делать все, что хочется. К несчастью, с тех пор как мне исполнилось пять, я больше никогда не оставалась одна и должна была постоянно угождать другим людям. Все мои последующие радости и триумфы оказались подпорчены этой двойственностью – темное, в чем-то даже трагическое противоречие стало частью моей личности.

Мои родители очень любили друг друга. Это была необычная пара. Папа происходил из древнего, но обнищавшего рода аристократов и феодалов. Мамины далекие предки были пиратами, а ближайшая родня – весьма состоятельными врачами.

Папа был высокий, худой, невероятно остроумный, деятельный и общительный человек. И при этом – очень строгий. В противоположность ему, мама, низенькая и пухлая, с очаровательным круглым личиком и пышной грудью, запомнилась мне как самый мягкий человек на

свете. Непохожесть не мешала им решать все проблемы мирно. Отца звали Сигэдзо Танакаминамото (или, по японским канонам, Танакаминамото но Сигэдзо), маму – Тие Акамацу⁶.

Линия Танакаминамото существует уже пятьдесят два поколения. Основателем рода был Фудзивара но Каматару, человек, получивший титул за особые заслуги.

Члены аристократического рода Фудзивара из поколения в поколение занимали пост регента императора. В правление императора Сага один из представителей этого рода, Фудзивара но Мотоми, получил ранг дайтоку⁷. Умер он в 782 году.

Его дочь, принцесса Танака, вышла замуж за императора Сагу и родила принца по имени Сумеру, который был восьмым в порядке наследования императорского трона. Дайтоку Фудзивара но Мотоми был преданным слугой императора, благодаря чему получил фамилию Танакаминамото и стал независимым аристократом.

Фамилию Минамото и по сей день имеют только аристократы. Представители семьи Танакаминамото служили империи более тысячи лет и всегда занимали высокие посты – например, должность придворного геоманта, то есть чиновника, занимающегося поиском благоприятных мест для строительства монастырей и храмов.

В середине девятнадцатого века в Японии произошли большие перемены. После падения военной диктатуры⁸, которая правила страной более 650 лет, к власти пришел император Мэйдзи. Феодальная система была упразднена, и Япония стала превращаться в современное национальное государство. Аристократия и интеллигенция во главе с императором начали оживленные дебаты о будущем страны.

В этот период мой прадедушка Танакаминамото но Сукэёси тоже был готов к переменам. Он устал от бесконечной борьбы между фракциями и хотел избавиться от обременительных обязанностей, которые требовались от человека такого высокого положения. Император решил перенести столицу из Киото, где она располагалась более тысячи лет, в Токио. Но корни нашей семьи уходили глубоко в родную землю. Мой прадед не захотел покидать город. Как глава рода, он принял судьбоносное решение – отказаться от титула и перейти в простое сословие.

Император настаивал, чтобы Танакаминамото но Сукэёси сохранил за собой титул, но тот гордо заявил, что остается человеком из народа. Тогда император предложил прадеду оставить хотя бы фамилию, и тот согласился. В обиходе его род пользуется сокращенной формой фамилии – Танака.

Решение моего прадеда, весьма благородное с духовной точки зрения, оказалось катастрофой для материального положения семьи: отказ от титула означал потерю прав на имеющуюся собственность. Жертва была огромной – владения Танакаминамото к тому времени занимали обширную часть северо-восточного Киото площадью в несколько квадратных километров, от усыпальницы Танака на юге до храма Итидзёдзи на севере.

Ни мой дедушка, ни его потомки так и не смогли восстановиться после этой утраты. В новой экономической системе места для них не оказалось. В результате древний род продолжал чахнуть в благородной бедности, растрачивая сбережения и утешаясь превосходством по рождению. Позже некоторые из членов семьи стали мастерами по керамике.

Моя мама происходит из рода Акамацу. Среди ее предков было немало легендарных пиратов, которые в былые времена разбойничали на торговых путях Японского моря, у берегов Кореи и Китая. Впрочем, богатство, нажитое несправедливым путем, к моменту рождения моей мамы уже превратилось во вполне законное состояние. Семья Акамацу никогда не служила

---

⁶ В этой книге японские имена записываются согласно западной традиции: сначала личное имя, а потом фамилия, за исключением исторических личностей, имена которых представлены в обратном порядке согласно японским обычаям. Кроме того, в соответствии с принятыми нормами, японские существительные указываются только в единственном числе (*прим. ред.*).

⁷ Высший ранг придворного министра. Система рангов была введена при правлении принца Сётоку Тайси.

⁸ Последняя диктатура *Токугава* – феодальное военное правительство Японии, основанное в 1603 году Токугавой Иэясу и возглавляемое сёгунами из рода Токугава. Просуществовало более двух с половиной веков, вплоть до 1868 года.

даймё (феодалу), у нее было достаточно денег, и она имела широкое влияние по всей Западной Японии. Фамилию Акамацу семье дал император Го-Тоба (1180–1239).

Добывая иностранные товары, род моей мамы попутно накопил немало знаний о целебных травах и способах их приготовления. Целительство стало еще одним ремеслом этой семьи. Лекари клана Икэда, баронов города Окаямы, были из рода Акамацу. Мама унаследовала от них способность лечить и позже передала свои умения папе.

Заканчивая краткий экскурс в историю, скажу, что мои родители, хоть им и не пришлось жить в столь героические времена, все же были не менее удивительными людьми. Папа закончил художественный колледж и стал оценщиком тонкого фарфора и дизайнером по ткани для элитных кимоно.

А моя мама обожала кимоно. Однажды она пришла в магазин и случайно столкнулась с моим папой, который влюбился в нее в ту же минуту. Он ухаживал за ней очень настойчиво, но классовые различия между ними были настолько велики, что маме эти отношения казались невозможными. Папа трижды предлагал ей стать его женой, а она отказывалась. Лишь неожиданная беременность моей старшей сестрой заставила маму согласиться на этот брак.

В то время папа был очень успешен и зарабатывал кучу денег. Его ткани продавались по самой высокой цене. Однако большую часть заработка папа отдавал своим родителям, у которых почти не было других средств к существованию.

Мои бабушка и дедушка жили с толпой родственников в огромном доме в районе Танака. В особняке было полно прислуги. К 1930-м годам семья растратила почти все сбережения. Некоторые мужчины их рода пытались стать полицейскими или чиновниками, но продержались недолго. Они попросту не были приучены зарабатывать на жизнь.

Папа тащил на себе весь дом и его обитателей. И хотя он и не был старшим сыном, дедушка и бабушка настояли, чтобы мои родители после свадьбы переехали к ним. Старикам просто нужны были деньги.

Поначалу семейная жизнь не складывалась. Моя бабушка, которую звали Тамико, была слишком эксцентричной, властной и вспыльчивой – то есть полной противоположностью моей мягкой, кроткой матери. Маму растили как принцессу, однако бабушка обращалась с ней как со служанкой – оскорбляла и пеняла на низкое происхождение. В роду Акамацу были известные преступники, но те времена давно прошли. Бабушка же вела себя так, будто вся семья моей мамы до сих пор запятнана. Она считала, что мама недостойна быть женой ее сына.

Бабушка Тамико увлекалась фехтованием и мастерски владела нагинатой, японской алебардой. Кротость моей мамы сводила бабушку с ума, она то и дело насмехалась над ней, гоняясь по дому и открыто угрожая изогнутым клинком. Выглядело все это дико и очень страшно. Однажды бабушка зашла слишком далеко. Она несколько раз проткнула мамин оби (пояс кимоно) и срезала его с ее талии. Это стало последней каплей.

В тот момент у родителей уже было трое детей – две девочки и мальчик. Девочек звали Яэко и Кикико. Яэко исполнилось десять лет, Кикико – восемь. Папа оказался в затруднительном положении: у него не хватало денег, чтобы содержать родителей и жить отдельно со своей семьей. Он поведал о своих проблемах одному из деловых партнеров, торговцу тканями для кимоно. Этот торговец и заговорил с папой о карюкай. Сказал, что может попробовать связаться с хозяйкой одного из тамошних заведений.

Мой папа встретился с хозяйкой окия Ивасаки из Гион-кобу, одного из лучших домов гэйко в Японии, и с хозяйкой Понто-тё, другого квартала гэйко в Киото. В результате там нашлись места для обеих моих старших сестер. Согласно контракту, им полагалось учиться традиционным видам искусства, этикету и правилам хорошего тона. Кроме того, сестрам была гарантирована полная поддержка на профессиональном пути. После получения статуса полноценных гэйко и выплаты всех долгов они могут жить и работать самостоятельно, оставляя

в своем распоряжении все заработанные деньги и перечисляя окия лишь агентские проценты с доходов.

Могли ли мои родители вообразить, насколько долгими станут их отношения с карюкай и как они повлияют на наши жизни? Сестры были подавлены – им, в отличие от мамы, не хотелось покидать надежный дом бабушки и бабушки. Яэко так и не избавилась от ощущения, будто ее бросили, и до сих пор носит в душе злобу и горечь.

Мои родители с сыном переехали в пригород Киото, Ямасину. В последующие годы мама родила еще восьмерых детей. В 1939 году, в очередной раз оказавшись на грани разорения, родители отправили в окия Ивасаки еще одну дочь, мою сестру Кунико, и она стала помощницей хозяйки.

Я родилась в 1949 году, когда папе было пятьдесят три, а маме – сорок четыре, – второго ноября, под знаком Скорпиона, в год Быка. Родители назвали меня Масако. Я стала последним ребенком в семье.

Никто никогда не говорил мне о трех старших сестрах, отданных в окия. В моем представлении, у меня было четверо старших братьев (Сэйтиро, Рёдзо, Кодзо и Фумё) и три сестры (Ёсико, Томико и Юкико).

Дом наш, просторный и сильно разросшийся за счет всевозможных пристроек, стоял особняком на большом куске земли и был отделен от города каналом. С трех сторон его окружали леса и бамбуковые рощи, а с тыла защищала гора. К дому через канал вел бетонный мостик. Перед фасадом располагался пруд, на ближнем берегу которого росли голубые гортензии и космеи, а на дальнем – фиговые и перечные деревья. Позади дома был просторный двор с курятником, полным кур, загородкой для нашего пса Коро, маминым огородиком и еще одним, на этот раз – рыбным, прудом, в котором кишели карпы.

На первом этаже размещались приемная, домашний алтарь, гостиная, комната с очагом для приема пищи, кухня, два туалета, студия отца и ванная. Наверху над кухней – еще две комнаты. Все дети спали наверху, а я – внизу, с родителями.

Я с радостью вспоминаю один случай. Дело было в сезон дождей, в совершенно безветренный день. Небесного цвета шапки гортензии отражались в тихой воде и идеально гармонировали с зеленью деревьев.

И тут на землю стали шлепаться крупные капли. Я быстро собрала игрушки. Стоило мне только забежать в дом и положить их на полку рядом с сундуком из красного дерева, как на сад обрушился ливень.

Дождь лил как из ведра. Через несколько минут пруд начал выходить из берегов, вода просочилась в гостиную. Мы принялись лихорадочно бегать, собирать татами (соломенные циновки). Мне все это казалось крайне забавным.

Когда мы спасли все татами, которые успели, каждому из детей досталось по две клубничные конфеты с нарисованной на обертке ягодой. Мы носились по дому и сосали конфеты.

Несколько циновок по-прежнему плавали по поверхности воды. Родители забрались на них и стали перемещаться из комнаты в комнату, точно на плотках. Кажется, они веселились сильнее всех.

На следующий день папа собрал всех нас и сказал:

– Ну что, дети. Теперь мы должны навести порядок. Сэйтиро, собери себе команду, и идите убирать позади дома. Рёдзо, ты ведешь своих подчиненных в бамбуковую рощу. Ты, Кодзо, будешь очищать татами, а ты, Фумё, возьми свою младшую сестру Масако, и идите к маме – она вам скажет, что делать. Понятно? А теперь все вперед и работайте на совесть!

– А как же ты, папа? – спросили мы.

– Мужчина должен охранять замок, – заявил он.

Его боевой клич ободрил нас, но была одна загвоздка. Прошлым вечером из еды нам достались только клубничные конфеты. Ночью мы так хотели есть, что не могли уснуть. Но наводнение уничтожило все наши припасы.

Тогда папа сказал:

– Армия не может сражаться на пустой желудок. Так что отправляйтесь на поиски провизии. Несите ее в замок, и будем готовиться к осаде.

Старшие братья и сестры разбежались кто куда и вернулись с рисом и хворостом. В тот момент я была очень рада, что у меня есть братья и сестры, и благодарна за полученный рисовый шарик. Никто из нас тогда не пошел в школу. Зато после вчерашней бессонной ночи и целого дня трудов все спали без задних ног.

Помню еще один случай. Я, как обычно, пошла на задний двор кормить кур и собирать яйца. Несушка по имени Никки почему-то сильно разозлилась и больно клюнула меня в ногу. Папа пришел в ярость.

Он поймал курицу, поднял ее и сказал: «За это я тебя убью», и тут же свернул Никки шею, а тушку повесил под потолком. Причем не так, как обычно, – за ноги, а головой вверх. Так курица и провисела, пока старшие дети не вернулись из школы. «Сегодня будет запеченная курица!» – обрадовались они, но папа строго сказал:

– Посмотрите внимательно и вынесите для себя урок. Эта глупая птица до крови клюнула нашу милую Масако. В результате ей пришел конец. Запомните. Обижать других или делать им больно – это всегда плохо. Я такого не допущу. Поняли?

Мы все сделали вид, что поняли.

На ужин и вправду была запеченная курица – бедолага Никки. Мне кусок не лез в горло.

Папа это заметил.

– Масако, ты должна простить Никки. Почти всю жизнь она была хорошей курицей. Съешь ее, чтобы Никки смогла достичь состояния Будды.

– Но у меня болит живот. Давайте вы с мамой поможете Никки стать Буддой.

И я произнесла короткую молитву.

– Хорошая мысль, – сказал папа. – Давайте все сделаем, как говорит Масако, и съедим эту курицу, чтобы она могла достичь состояния Будды.

Все помолились за птицу, принялись за еду и от души насладились, помогая Никки стать Буддой.

В другой день я, вопреки обыкновению, не сидела в одиночестве, а играла с братьями и сестрами. Вместе мы поднялись на гору за нашим домом, выкопали там большую яму, а потом собрали из кухни всю посуду – горшки, сковородки и тарелки – и бросили туда.

Всем было очень весело, и тут старший брат сказал мне: «А слабо тебе забраться вон на ту сосну?» Разумеется, я полезла наверх. Но ветка, на которой я висела, обломилась, и я упала в пруд.

Студия отца выходила окнами на этот пруд. Он услышал громкий всплеск и наверняка был очень удивлен, однако отреагировал весьма сдержанно. Папа посмотрел на меня и спокойно спросил:

– Что ты делаешь?

– Плаваю в пруду, – ответила я.

– Сейчас холодно, чтобы плавать в пруду. А если ты простудишься? Думаю, тебе лучше вылезать.

– Я вылезу через пару минут.

В этот момент прибежала мама и взяла дело в свои руки.

– Хватит шуточек! – сказала она. – Немедленно вытащи ее оттуда!

Папа неохотно достал меня из пруда и без церемоний плюхнул в ванну.

На этом все должно было бы и закончиться, но тут мама решила приготовить ужин. Она ушла на кухню и через минуту позвала папу, который принимал ванну вместе со мной.

– Дорогой, боюсь, у меня проблема. Я не смогу приготовить ужин. Как мне быть?

– О чем ты говоришь? Почему ты не можешь приготовить ужин?

– Потому что на кухне ничего нет. Вся посуда куда-то делась.

Я услышала их разговор и подумала, что неплохо было бы предупредить братьев и сестер о том, что мама заметила пропажу. Однако стоило мне сделать пару шагов по направлению к двери, как папа схватил меня за воротник. Он держал меня очень крепко, пока остальные дети не вернулись домой (лучше бы им было вовсе не возвращаться). Всех ждало обычное наказание: папа выстроил детей в ряд, чтобы ударить каждого по голове бамбуковым мечом. Раньше в такие моменты я, как самая младшая, стояла рядом с ним и думала: «Ой, наверное, это ужасно больно». Но на этот раз он рявкнул:

– И ты становись, Масако. Ты тоже участвовала.

И он поставил меня в ряд к остальным.

Я начала хныкать.

– Папочка, – взмолилась я, но он меня проигнорировал.

– И ты тоже виновата.

Он ударил меня не так сильно, как остальных, но для меня это все равно было большим потрясением. Папа никогда прежде не бил меня.

Нас оставили без ужина. Все плакали, пока мылись. Брат жаловался: «Я был так голоден, что всплывал в ванне, как воздушный шарик». Потом нас отправили спать.

Мои родители были удивительными, творческими людьми. Благодаря их любви к искусству наш дом был полон волшебных вещей: сверкающие на солнце кристаллы кварца, ароматные украшения из сосны и бамбука, предназначенные для встречи Нового года, всевозможные экзотического вида приспособления, которые мама использовала, когда готовила снадобья из трав, блестящие музыкальные инструменты – например, папина бамбуковая флейта сякухати и мамин однострунный кото, а еще – целая коллекция керамики ручной работы. Наш дом мог похвастаться собственной ванной – старомодной, похожей на огромную железную супницу.

Правителем этого маленького королевства был папа. У него имелась своя домашняя студия, в которой он работал вместе с несколькими учениками. Мама научилась у папы традиционной японской технике росписи ткани, рокэцудзомэ, и стала настоящим профессионалом в этом деле. И еще мои родители создавали лекарства из трав. К ним постоянно приходили люди с просьбой приготовить для них какое-нибудь снадобье.

Здоровье у мамы было хрупкое. Она перенесла малярию, которая дала осложнение на сердце. И тем не менее ей хватило мужества и стойкости, чтобы родить одиннадцать детей.

Если я не могла быть с одним из родителей, то предпочитала одиночество. Я не играла даже с сестрами. Любила тишину и не выносила шума, который производили другие дети. Когда они возвращались домой из школы, я пряталась или находила другой способ игнорировать их.

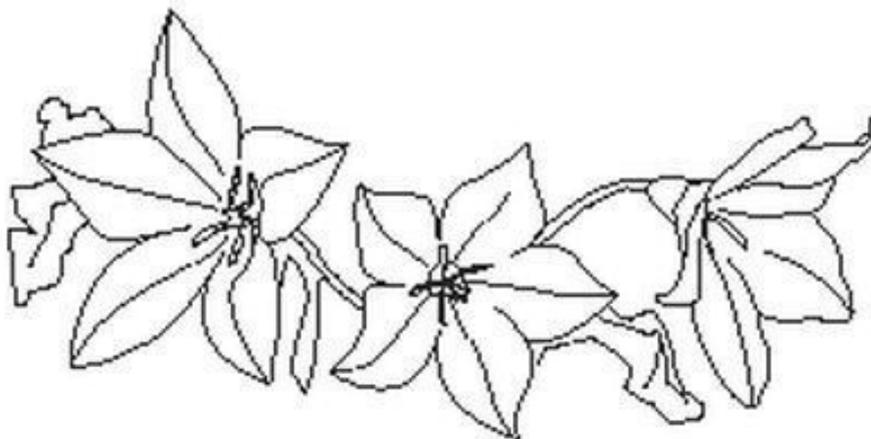
Дома в Японии маленькие и обставлены довольно скромно, зато кладовые в них огромные – в них хранится множество вещей, которые в данный момент не используются, например постельные принадлежности. Когда я бывала чем-то расстроена, хотела сосредоточиться или, наоборот, расслабиться, то уходила в кладовую.

Родители понимали мою потребность в одиночестве и никогда не заставляли меня играть со старшими детьми. Разумеется, они за мной присматривали, но делали это незаметно.

И все же, несмотря на всю свою замкнутость, я любила часы, когда все члены семьи собирались вместе. В памяти навсегда останутся восхитительные, освещенные лунным светом ночи: папа играл на сякухати, а мама – на кото. Мы же собирались кружком и слушали. Кажется, эта идиллия будет длиться вечно.

Но она закончилась.

2

Я не могу точно назвать момент, когда все изменилось.

Возможно, это случилось в тот год, когда мне исполнилось три. Однажды, в холодный зимний день, к родителям пришла гостья. Это была очень старая женщина. Я стеснялась чужих, поэтому, как только она появилась на пороге, спряталась в своей кладовке. Сидя в темноте, я прислушивалась к разговору взрослых. Что-то неуловимо притягательное чувствовалось в этой женщине. Меня заворожила ее манера говорить.

Звали гостью госпожа Оима. Она была хозяйкой окия Ивасаки в Гион-кобу и пришла узнать, не хочет ли моя сестра Томико стать гэйко. Томико уже несколько раз бывала в окия Ивасаки, и госпожа Оима увидела в ней потенциал.

Томико – самая изящная и утонченная из моих сестер. Она обожала кимоно, традиционную музыку и тонкий фарфор.

Я мало что понимала из того, о чем говорили взрослые, но уловила главное: незнакомка предлагает Томико работу.

Окия Ивасаки в то время находилась в сложном финансовом положении, чего я, конечно, знать не могла. Однако помню, что родители говорили с госпожой Оимой с подчеркнутым почтением, а от самой гостьи веяло невероятным ощущением власти – я такого прежде никогда не ощущала.

Привлеченная ее голосом, я приоткрыла дверь кладовки примерно на три сантиметра и выглянула в щелку. Госпожа Оима заметила это и спросила:

– Тие-сан, кто у вас в кладовке?

Мама засмеялась и ответила:

– Это моя младшая дочь, Масако.

Услышав свое имя, я зашла в комнату.

Незнакомка внимательно посмотрела на меня. Она не сделала ни единого жеста, но глаза ее широко раскрылись от удивления.

– Невероятно, – произнесла она. – Какие черные волосы и черные глаза! И такие крошечные красные губы... Какой изумительный ребенок!

Папа представил нас друг другу.

Госпожа продолжала смотреть на меня, но обратилась к отцу:

– Вы знаете, господин Танака, я уже очень давно ищу себе атотори («ту, что придет следом», или преемницу), и сейчас у меня возникло странное ощущение... Похоже, я только что ее нашла.

Я понятия не имела, о чем она говорит. Не знала, что такое атотори и зачем оно ей нужно. Но я чувствовала, как изменилась энергетика ее тела.

Говорят, что человек, умеющий по-настоящему видеть, может разглядеть самую суть личности собеседника – причем независимо от его возраста.

– Я не шучу, – продолжила гостя. – Масако – восхитительная девочка, настоящее сокровище. Пожалуйста, рассмотрите возможность и ее отдать в окия Ивасаки. Уверена, ее ждет блестящее будущее. Я знаю, что она еще малышка, но прошу вас, подумайте, не отправить ли ее также учиться на гэйко?

Обучение гэйко в Гион-кобу – это закрытая, особым образом организованная система. Чтобы освоить все премудрости ремесла, девочки должны жить в окия. Преподавать могут лишь специально аккредитованные учителя.

Мой отец был явно ошеломлен таким неожиданным поворотом событий и не знал, что ответить. Наконец он сказал:

– Мы как следует обсудим с Томико ваше предложение и постараемся убедить дочь принять его, однако в любом случае решение останется за ней. Мы сообщим вам, как только она определится. Что ж касается Масако... Мне очень жаль, но я даже подумать не могу о том, чтобы отправить в окия еще одну дочь.

Здесь я должна добавить, что если бы Томико согласилась учиться в окия Ивасаки, то стала бы четвертой из семи дочерей в нашей семье, отданной в Гион-кобу.

Позвольте, я объясню, что значит отдать дочь в окия. Учиться на гэйко – это все равно что уехать в школу-интернат. В большинстве случаев в свободное от занятий время девочки могут навещать родителей, и они, в свою очередь, тоже имеют право приезжать, когда захотят. Это обычный сценарий. Однако если девочку выбирают в качестве приемницы и носительницы фамилии дома, то хозяйка официально удочеряет ее как законную наследницу. В этом случае девочка берет фамилию семьи окия и навсегда оставляет семью, в которой родилась.

Окия Ивасаки обладал собственностью на миллионы долларов (недвижимость, кимоно, бесценные произведения искусства и украшения), дом обслуживало больше двадцати работников. Госпоже Оиме было восемьдесят лет, но до сих пор ни в одной из окружавших ее учениц она так и не смогла разглядеть своей наследницы.

Как бы ни была хороша Томико, на роль атотори она не годилась: согласно правилам, приемницу воспитывают с раннего детства, а Томико к тому времени уже исполнилось четырнадцать. Много лет назад госпожа Оима собиралась сделать наследницей другую мою старшую сестру, Яэко. Но Яэко покинула Гион-кобу, не выполнив своих обязательств. Для моих родителей этот поступок стал настоящим позором, и теперь они надеялись, что, отдав в окия Томико, они компенсируют непорядочность Яэко.

Начиная с того памятного дня госпожа Оима приходила к нам еще несколько раз, чтобы обсудить поступление Томико. При этом она всеми силами старалась заполучить и меня.

Никто не сказал мне, что сестра покинет наш дом. Наверное, родители считали, что я слишком мала и не понимаю происходящего, так что не пытались ничего объяснить. Помню только то, что Томико окончила девятый класс и на следующий день уехала на весенние каникулы, а после них просто не вернулась.

Я скучала – Томико была моей самой любимой сестрой.

С отъездом Томико визиты госпожи Оимы не прекратились. Несмотря на сопротивление отца, она продолжала гнуть свою линию: приходила в гости снова и снова и каждый раз просила отдать меня в ее школу. Папа вежливо отказывался. Так шел месяц за месяцем.

Госпожа Оима приводила всевозможные доводы, говорила, что меня ждет блестящая карьера и что родители не должны препятствовать моему восхитительному будущему. Она молила отца еще раз обдумать решение. Я отчетливо помню, как она сказала ему: «На сего-

дняшний день Ивасаки – это лучший окия в Гионе, и мы можем дать Масако такие возможности, каких она не получит больше нигде».

Наконец настойчивость госпожи Оимы подточила решимость отца. Помню, как во время очередной беседы я сидела у него на коленях. Хозяйка окия вновь подняла большую тему. В ответ папа неожиданно рассмеялся:

– Ну ладно, ладно, госпожа Ивасаки, пока еще очень рано об этом говорить, но когда-нибудь обещаю привести ее к вам в гости. Кто знает? Вдруг ей у вас понравится.

Возможно, отец сказал это только для того, чтобы гостья прекратила ему докучать.

Я тоже решила, что госпоже Оиме пора домой. Поскольку, согласно моим наблюдениям, все гости перед уходом обычно посещали туалет, то я решила предложить эту возможность и ей тоже. Повернувшись к гостье, я произнесла, скорее требовательно, чем вежливо:

– Писать.

Она неверно истолковала мой намек и благодушно поинтересовалась, хочу ли я, чтобы она отвела меня в туалет. Я кивнула, слезла с коленей отца и взяла ее за руку. Когда мы добрались до цели, я сказала:

– Вот, – и промаршировала обратно в приемную.

Госпожа Оима вернулась через минуту.

– Спасибо, что ты ко мне так внимательна, – похвалила меня она.

– Уходите домой, – ответила я.

– Да, мне пора. Господин Танака, я откланиваюсь. По-моему, сегодня мы с вами значительно продвинулись.

И с этими словами она ушла.

В родительском доме я прожила совсем недолго, но за это короткое время мама и папа преподали мне уроки, которые служили мне верой и правдой всю жизнь. Отец делал все возможное, чтобы научить меня независимости и ответственности. А еще привил мне чувство собственного достоинства.

У него были две любимые пословицы. Первая – о самурае, требования к которому намного выше, чем к обычным людям. Настоящий самурай всегда должен сохранять лицо, поэтому, даже умирая от голода, он все равно будет делать вид, что еды у него в изобилии. Папа употреблял эту пословицу еще и в том смысле, что самурай никогда не выказывает слабости перед лицом обстоятельств. Другая его присказка – «hokori o motsu». «Береги честь». Живи достойно, несмотря на все превратности судьбы. Эти фразы он повторял так часто и с такой убежденностью, что мы принимали их как прописную истину.

Я была странным ребенком. По словам родителей, я почти никогда не плакала, даже в младенчестве. Они даже волновались: вдруг у меня плохо со слухом или я отстаю в развитии? Чтобы проверить это, папа иногда громко говорил мне разные слова прямо на ухо или специально будил, когда я крепко спала. Я выглядела испуганной, но по-прежнему не плакала.

Когда я немного подросла, родители поняли, что никаких отклонений у меня нет. Я часто витала в облаках, хотела знать названия всех цветов, птиц, гор и рек. Но при этом не желала, чтобы другие люди все испортили и открыли мне их имена. Считала, что если буду достаточно долго смотреть на какую-нибудь вещь, то она сама со мной заговорит. Я до сих пор в это верю.

Однажды мы с мамой любовались белыми и персиковыми космеями, которые цвели на дальнем берегу пруда. Я спросила:

– Как зовут этот цветок?

– Космея, – ответила мама.

– Ммм, космея. А вот этот маленький?

– Это тоже космея, – повторила мама.

– Как это? Разве у двух разных цветов может быть одно и то же имя?

Мама выглядела озадаченной.

– Ну, эту семью цветов называют космеями.

– Но у нас в доме живет целая семья людей, и у каждого человека есть свое имя. Значит, у каждого из этих цветов тоже должно быть свое имя. Я хочу, чтобы ты каждому дала имя, как и нам. Так ни одному цветку не будет обидно.

Мама пошла туда, где работал отец.

– Масако сейчас сказала мне кое-что странное. Она хочет, чтобы я дала имя каждому цветку космеи.

Папа повернулся ко мне:

– Нам не нужно больше детей, поэтому необязательно давать им всем имена.

При мысли о том, что нам не нужно больше детей, мне стало одиноко.

Особенно ясно я помню один прекрасный майский день. С востока, со стороны гор, дул мягкий зеленый бриз. Пышно цвели ирисы, все было в полном умиротворении. Мы с мамой отдыхали на передней веранде. Я сидела у нее на коленях, и мы нежились в солнечных лучах. Мама сказала:

– Какой сегодня чудный день!

И я ответила:

– Я так счастлива!

Это были последние блаженные мгновения моего детства. Я подняла взгляд. Через мостик к нашему дому шла женщина. Она казалась размытой, будто мираж.

Мама напряглась. Сердце ее пустилось в галоп, на лбу проступил пот. Изменился даже ее запах. Мама как будто в ужасе спряталась внутрь себя, прижала меня к груди в инстинктивном защитном жесте. Я тоже ощутила опасность.

Женщина приближалась как в замедленной съемке. Вдруг мне показалось, что время остановилось. Я точно помню, во что она была одета – темное кимоно с поясом оби, по которому бежал бежевый, коричневый и черный геометрический узор.

Я соскочила с маминых коленей, умчалась в дом и спряталась в кладовке.

Потом случилось вот что. В комнату вошел папа, и женщина принялась говорить с родителями голосом, полным чистой ненависти. Они пытались отвечать, но та постоянно их перебивала, и тон ее становился все более резким и агрессивным, а голос делался все громче и громче. Я не понимала большую часть слов, но почему-то знала, что она произносит что-то очень грубое. В нее как будто вселился демон. Казалось, ее тирада продолжалась несколько часов. Что же такого сделали мои папа и мама, что она так себя ведет? Наконец незнакомка ушла.

На дом словно опустилась темная туча. Никогда раньше я не видела родителей такими расстроенными. В тот вечер за ужином царила напряженная атмосфера. Мы не чувствовали вкуса еды. Я была очень, очень напугана: прижалась к маме и спрятала лицо у нее за пазухой.

Братья и сестры рано отправились спать, я же, как обычно, устроилась на коленях у мамы. Родители почти ничего не говорили. Время шло и шло, а папа все не двигался. Я уснула у мамы на руках, а на следующее утро проснулась на матрасе вместе с родителями и псом Коро.

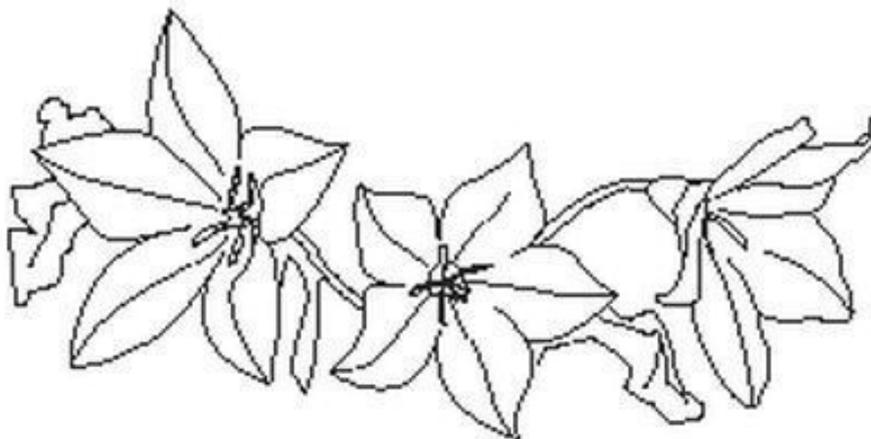
Спустя некоторое время жуткая женщина явилась снова. На этот раз она привела с собой двоих мальчиков, оставила их у нас и ушла прочь. Оказалось, что это были ее сыновья.

Старшего звали Мамору. На три года старше меня и очень избалованный, он мне не особо понравился, зато неплохо поладил с одним из моих старших братьев. С младшим же, Масаюки, мы подружились.

Мать мальчиков приходила навестить их примерно раз в месяц. Приносила игрушки и конфеты для своих сыновей, а нам – ничего, ни разу, хотя мы были такими же детьми. Вот когда пришло время вспомнить папину поговорку о голодном самурае.

Эту женщину я видеть не могла. В ее глазах было что-то хищное, холодное. Когда незнакомка появлялась, я привычно пряталась в кладовке, закрывала уши ладонями и выходила только после того, как она убиралась восвояси.

3

Как-то раз отец решил нанести визит госпоже Оиме и спросил, хочу ли я пойти с ним. Я обожала гулять с отцом, поэтому легко согласилась. Папа сказал, что мы просто идем в гости и сможем вернуться, как только я захочу.

Мостик перед домом был слишком высок, так что папе пришлось перенести меня на руках. Мы сели в трамвай, шедший до остановки Сандзо Кэйхан.

Прежде я никогда не уезжала так далеко, поэтому круглыми глазами рассматривала все чудеса большого города: множество домов, выстроившихся вдоль улиц Гион-кобу, и снующие толпы незнакомых людей. Все это было захватывающе и немного страшно. В результате к концу пути я сильно перевозбудилась.

Окия Ивасаки располагался на улице Синбаси, через три дома к востоку от улицы Ханамикодзи. Он был построен в том изящном архитектурном стиле, который так свойствен карюкай в Киото – длинное узкое здание, с выходящими на улицу окнами с переплетом. Отчего-то этот дом показался мне очень грозным.

Мы прошли через гэнкан (вестибюль при входе) и очутились в приемной, которая была заполнена множеством женщин в повседневных кимоно. Мне стало неуютно. Но в этот момент госпожа Оима, широко улыбаясь, пригласила нас войти. Она прямо-таки источала любезность и гостеприимство.

Появилась Томико. Волосы у нее были уложены в сложную прическу, которая делала ее похожей на невесту.

Следом за ней вошла женщина в платье западного кроя.

Отец сказал:

– Масако, это твоя старшая сестра.

– Меня зовут Кунико, – представилась она.

Я была потрясена.

Затем дверь открылась и впустила ту самую отвратительную женщину, которую я так боялась. Мать мальчиков, живущих теперь в нашем доме.

Для одного дня впечатлений было слишком много. Я потянула папу за рукав кимоно и сказала:

– Хочу домой.

Как только мы вышли на улицу, из глаз моих потекли слезы – медленно и размеренно. Плакать я перестала только на остановке Сандзо Кэйхан – я узнала ее по расположенной рядом начальной школе с башенками на крыше.

Мы сели на трамвай. Я тут же замкнулась в себе. Похоже, папа понимал мои чувства. Он не пытался заговорить со мной – только положил руку на плечо, чтобы успокоить.

Дома, увидев маму, я разразилась рыданиями и бросилась в ее объятия. А потом спряталась в кладовке, где, в темноте, и провела всю ночь.

Утром я вышла к родителям, однако потрясение от всего увиденного в окия Ивасаки не проходило. Слишком сильно оно отличалось от того, что было мне знакомо. Мой маленький мир дал трещину. Меня обуревали смутение и страх, и большую часть времени я теперь проводила, обхватив себя руками и таращась в пустоту.

Спустя еще пару недель жизнь вернулась в привычную колею. Я выполняла свои обязанности по дому и занималась «работой», стоя рядом с отцом за сколоченным из ящика из-под апельсинов столом.

Госпожа Оима раз за разом являлась к нам и просила меня отдать. Едва завидев ее, я впадала в панику и пряталась в кладовке. С каждым днем я замыкалась все сильнее. Внешний мир теперь казался мне таким опасным, что я даже отказывалась играть под перечным деревом на дальнем берегу пруда. Вместо этого я постоянно липла к родителям и не отходила от них ни на шаг.

Так продолжалось несколько месяцев. Папу тревожило мое состояние, и он пытался придумать способ снова выманить меня из дома.

Однажды он сказал:

– Мне надо отвезти одно кимоно в город. Хочешь со мной?

Он знал, как сильно я люблю куда-то ездить с ним вдвоем. Несмотря на все свои опасения, я согласилась.

Когда мы вошли в магазин тканей для кимоно на улице Муромати, хозяин поздоровался с папой очень почтительно. Папа сказал, что ему надо поговорить о делах, и попросил подождать его в торговом зале. Продавцы развлекали меня, показывая разные товары. Среди всего разнообразия роскошных кимоно и оби те, что расписывал папа, явно выделялись: они были намного красивее прочих.

Мне не терпелось рассказать маме обо всем, что я видела, и когда мы вернулись домой, я все говорила и говорила о тех кимоно, описывала каждое из них во всех подробностях. Родители никогда прежде не слышали, чтобы я так долго о чем-то говорила, и диву давались, сколько мелких деталей я запомнила. В тот вечер я торжественно сообщила, что горжусь отцом.

Папа сказал: «Масако, я очень рад, что тебе так понравились кимоно. Мне надо кое-что обсудить с госпожой Оимой. Хочешь пойти со мной навестить ее? Если тебе там не понравится, мы сразу развернемся и поедем домой. Обещаю».

Меня по-прежнему смутно тревожила мысль о такой поездке, но желание преодолеть собственный страх победило. Я согласилась отправиться с ним.

Итак, мы поехали. Я вела себя очень тихо, хотя и не расстроилась так сильно, как в первый раз. У меня даже хватило сил, чтобы внимательно рассмотреть окружающую обстановку.

Мы прошли в здание через старомодный гэнкан, в котором пол был не деревянным, а земляным. Гэнкан соединялся с приемной, где лежали татами. В дальней части этой комнаты я увидела восхитительную ширму, скрывавшую от глаз внутренние помещения дома. Перед ширмой располагалась композиция из цветов, а справа от входа – высокая обувница от пола до потолка. За ней была кладовая, заполненная тарелками, жаровнями, палочками для еды и другими столовыми приборами и посудой. Еще помню деревянный ящик – старинный холодильник, в котором продукты охлаждали с помощью брусков льда.

Вдоль всей стены дома шел длинный переход с земляным полом. Справа была судомойня, там стояли кухонные плиты. Комнаты располагались по левой стороне коридора.

Они шли одна за другой бесконечной вереницей.

В первой размещалась приемная. За ней – столовая, где семья гэйко собиралась, чтобы поесть и отдохнуть. В углу этой комнаты стояла прямоугольная жаровня, отсюда же начиналась лестница, ведущая на второй этаж. Сквозь раздвижные двери столовой я разглядела официальную гостиную с большим напольным алтарем. За алтарной комнатой открывался внутренний садик.

Госпожа Оима пригласила нас в столовую. Я увидела юную майко. Она была одета в обычное платье, без макияжа на лице. Лишь на шее остались следы белил. Мы устроились возле прямоугольной жаровни, напротив госпожи Оимы, которая сидела спиной к саду, чтобы гости могли наслаждаться видом. Папа поклонился и произнес полагающиеся по этикету вежливые фразы.

– Рада сообщить вам, что занятия Томико проходят хорошо. Похоже, у нее от природы хороший слух, и она уже прекрасно играет на сямисэне. Учителя очень довольны ее успехами, – госпожа Оима говорила все это папе, но смотрела при этом только на меня.

Я услышала шорох со стороны земляного перехода. Пригнулась, чтобы посмотреть, и увидела лежащую там собаку.

– Как тебя зовут? – спросила я пса. Но тот только гавкнул в ответ.

– О, – сказала госпожа Оима, – это Джон.

– Ему больше подошло бы имя Большой Джон, – ответила я.

– Ну что ж, тогда мы, наверное, будем звать его Большой Джон, – согласилась госпожа Оима.

В этот момент в комнате появилась другая женщина. Ее красивое лицо было собрано в какую-то неприятную гримасу. Госпожа Оима назвала женщину Масако – так же, как и меня. Я же про себя дала ей другое прозвище – Старая Злюка. Госпожа Оима сказала отцу, что эта гэйко станет «старшей сестрой» Томико.

– Мне кажется, что Джон – и так достаточно хорошее имя, – заявила Злюка высокомерным тоном.

– Но юная госпожа Масако считает, что Большой Джон – гораздо лучше, – возразила хозяйка. – А если так считает юная госпожа Масако, то так мы его и будем звать. Слушайте все. С этой минуты я хочу, чтобы все звали этого пса Большой Джон.

Я помню этот разговор слово в слово. Могущество госпожи Оимы поразило меня: подумав только, она смогла вот так запросто взять и изменить кличку собаки! И все должны были слушать ее и делать как она велела. Даже Старая Злюка.

Я сразу привязалась к Большому Джону. Госпожа Оима предложила нам с Томико вывести его на прогулку. Томико рассказала мне, откуда взялся Большой Джон. По соседству жил знаменитый производитель солений, и однажды к его колли привязался какой-то пес. В результате этого спонтанного союза родился Большой Джон.

– Что это за прелестная девочка? Она из дома Ивасаки? – спросила незнакомая женщина в саду.

– Нет, это просто моя младшая сестра, – ответила Томико.

Через несколько минут еще кто-то еще сказал:

– Какая очаровательная воспитанница Ивасаки!

Но Томико снова возразила:

– Нет, это просто моя младшая сестра.

И так повторялось несколько раз и, в конце концов, начало сильно раздражать Томико. Мне тоже стало неуютно, и я попросилась домой. Томико еще не успела ничего ответить, а Большой Джон уже развернулся и направился назад.

Большой Джон был замечательный пес. Он дожил до почтенного возраста – восемнадцать лет! – и обладал исключительным, почти человеческим умом. Во всяком случае, мне всегда казалось, будто он меня понимает.

Мы вернулись в окия Ивасаки, и я обратилась к отцу:

– Пора домой, папочка. Я ухожу.

Всем остальным я быстро сказала: «Пока!», погладила Большого Джона и вприпрыжку выскочила за дверь. Папа попрощался как полагается и последовал за мной.

По пути к трамвайной остановке он взял меня за руку. Я понятия не имела, о чем говорили папа и госпожа Оима, пока мы с Томико гуляли, но видела, что папа взволнован и расстроен. Похоже, что-то было не в порядке.

Вернувшись домой, я тут же отправилась в свою любимую кладовую. И уже оттуда услышала разговор родителей.

Папа сказал:

– Знаешь, Тие, мне кажется, я просто не смогу. Я не смогу ее отпустить.

Мама ответила:

– И я тоже.

Я стала проводить в тихом чреве кладовой еще больше времени.

В апреле моего старшего брата Сэйтиро взяли на работу на государственную железную дорогу. Когда он получил свою первую зарплату, мы отметили это событие праздничным блюдом сукияки⁹. Все собрались за столом для пиршества. Папа заставил и меня выйти к ужину из кладовой.

Обычно перед едой папа произносил небольшую речь. Он перечислял важные события дня и отмечал наши достижения – например, успехи в учебе.

В тот вечер папа поздравил брата с тем, что тот стал самостоятельным.

– С этого дня ваш брат Сэйтиро начинает вносить свой вклад в содержание семьи. Теперь он взрослый. Я надеюсь, вы, дети, возьмете с него пример. Когда вы начнете сами себя обеспечивать, думайте не только о себе, но и о других людях и делайте все для их благополучия и процветания. Вы понимаете, о чем я говорю?

Мы хором ответили:

– Да, понимаем. Поздравляем, Сэйтиро.

Папа сказал:

– Очень хорошо.

И мы начали есть.

Сидя у папы на коленях, я не могла дотянуться до горшка с сукияки.

– Папа, а как же я?

– Ой, я и забыл о Масако, – встрепенулся отец и стал кормить меня сам.

Родители пребывали в хорошем настроении. Я прожевала первый кусочек говядины, потом – второй и стала думать, какие они счастливые. И чем больше я думала, тем тише становилась и тем меньше мне хотелось есть.

– Не будет ли лучше мне отправиться в окия Ивасаки? – размышляла я. – Но как это сделать? И как туда добраться?

Надо было придумать план.

Одним из моих любимых развлечений был наш ежегодный выход в город во время цветения сакуры. Поэтому я попросила родителей:

– А давайте пойдем посмотреть на цветущие вишни? А потом зайдем в окия Ивасаки.

Никакой связи между этими двумя пунктами не было. Обычно мы устраивали пикник под деревьями, растущими вдоль канала, буквально в нескольких шагах от дома. Однако вид, открывавшийся с нашего берега, теперь не казался мне достаточно красивым.

Папа тут же согласился:

---

⁹ Блюдо японской кухни, которое готовят непосредственно во время трапезы, погружая кусочки овощей и тонко нарезанного мяса в котел с кипящим бульоном.

– Тие, давай запланируем выход в город, чтобы полюбоваться сакурой.

– Чудесная мысль, – ответила мама. – Подготовлю все для пикника.

– Но когда мы посмотрим на вишни, то сходим в окия Ивасаки, хорошо?

Родители знали, какой упертой я могла быть, стоило мне только вбить себе что-то в голову. Папа попытался меня отвлечь.

– Думаю, после вишен мы посмотрим Мияко Одори¹⁰. Как тебе кажется, Тие, ведь это куда интереснее? – обратился он к маме.

Но я не дала ей ответить:

– После вишен я пойду в окия Ивасаки. Я не хочу смотреть Мияко Одори!

– Что ты такое говоришь, Масако? – спросил отец. – Скажи, зачем тебе идти в окия Ивасаки?

– Потому что мне надо туда пойти, – заявила я. – Тогда та тетя перестанет так гадко себя вести с тобой и мамой. Я должна пойти туда сейчас же.

– погоди минутку, Масако. Наши отношения с той тетей и госпожой Оимой никак не связаны с тобой. Ты слишком мала, чтобы понять, что происходит, но мы очень обязаны госпоже Оиме. И твоя сестра Томико отправилась в окия Ивасаки, чтобы отстоять честь нашей семьи. И тебе не надо об этом тревожиться. Мы, взрослые, во всем разберемся сами.

В конце концов папа разрешил мне провести одну ночь в окия Ивасаки. Я хотела взять с собой любимые одеяло и подушку. Мама упаковала их для меня.

Пора было уходить. Я сидела на веранде и смотрела на мостик.

Мама вышла нас проводить. Когда мы подошли к мостику, папа наклонился, чтобы, как всегда, взять меня на руки и перенести через канал, но я сказала:

– Нет, я сама.

Я никогда раньше не переходила через мостик сама. Слишком страшно было.

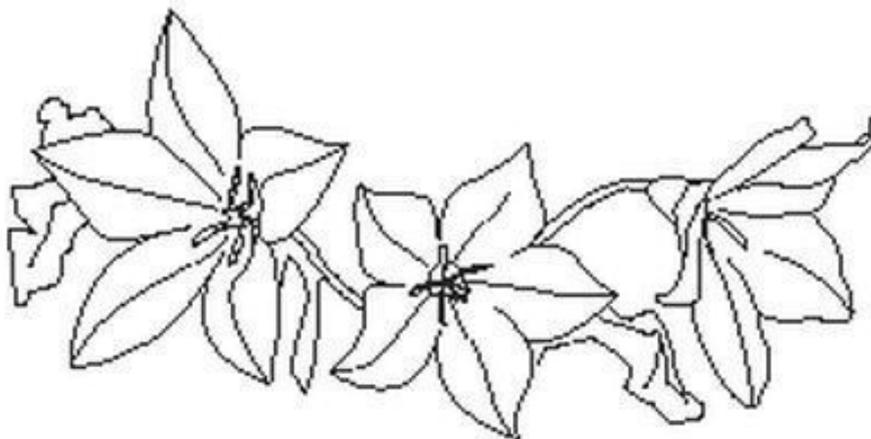
Вода в канале – холодная и прозрачная. Она течет из озера Бива, которое находится к северу от нашего дома. Вода бурлит, стремясь к акведуку Нандзэн-дзи. Проходит по акведуку, вдоль стройных рядов вишен, тянущихся несколько километров по берегам. Затем – мимо зоопарка и храма Хэйан, вдоль Проспекта Холодного Источника, и, наконец, обрушивается в реку Камогава, воды которой бегут к Осаке, а оттуда – в открытое море.

Я никогда не забуду, как впервые сама перешла через мостик. Контраст белого бетона с красным платьем, которое связала мне мама, и моими красными туфельками навсегда отпечатался в моей памяти.

---

¹⁰ Танцевальный фестиваль гейш Киото, который проводится каждый год, с 1 по 30 апреля, в театре «Гион кобу Кабурэндзе».

4

КОГДА МЫ ДОБРАЛИСЬ ДО окия, наступил полдень. Папа вскоре ушел, а я осталась молча сидеть в приемной, разглядывая детали окружающей обстановки и вежливо отвечая на вопросы проходящих людей. Заметив кладовую, я обрадовалась: значит, при необходимости мне будет куда сбежать.

Ближе к вечеру появилась госпожа Оима, взяла меня за руку и повела в другой дом. Открыв дверь, она низко поклонилась женщине, которую я прежде не встречала. Хозяйка представила ее как госпожу Сакагути и велела мне называть ее матушкой. «Матушка Сакагути – моя начальница», – улыбнувшись, сказала она.

Матушка оказалась очень милой, и мы тут же поладили.

Потом пришло время ужинать. Ужин здесь подавали совсем не так, как дома. Общего стола не было. Каждая обитательница окия ела с отдельного подноса. Подносы были расставлены вокруг прямоугольной жаровни.

Почему-то я решила, что, как гостя, должна сидеть рядом с госпожой Оимой. Но тут явилась Старая Злюка и вознамерилась опуститься как раз на это место.

Я сказала:

– Это мое место.

И госпожа Оима с широкой улыбкой подтвердила:

– Да, дитя, правильно. Садись на свое место.

Я села рядом с жаровней.

Старая Злюка, пыхтя, опустила рядом, взяла свои палочки и принялась есть, не сказав, как полагается, «итадакимас». «Итадакимас» значит «я принимаю эту пищу со смиренной благодарностью». Так человек выражает признательность за труды фермеров и других людей, благодаря которым еда оказалась у него на столе. Главой дома была госпожа Оима, и потому приступать к еде полагалось только после того, как она произнесет эти слова и возьмет палочки. Я сделала замечание Старой Злюке, потому что она немислимым образом нарушила правила приличия:

– Это очень грубо: вы начали есть, хотя госпожа Оима еще не сказала «итадакимас» и не стала есть первой. Вы ужасно невоспитанная.

И госпожа Оима тоже обратилась к Старой Злюке:

– Слушай, что она говорит. Она многому может тебя научить.

Потом она повернулась к остальным женщинам, сидевшим вокруг длинной жаровни, и сказала:

– Пожалуйста, не говорите с юной госпожой Масако, если она не заговорит с вами первой. Мне не верилось, что госпожа Оима ставит меня выше всех этих нарядных взрослых.

Но Старая Злюка не могла этого так оставить и театральным шепотом проворчала – так, чтобы я точно ее услышала:

– Вы только посмотрите на эту маленькую принцессу.

Мне стало очень гадко.

– Я не могу есть, – проговорила я.

– Почему? Что не так с едой? – встревожилась госпожа Оима.

– Я не могу есть рядом с этой злой старой тетей.

После этих слов я тихо встала, нашла Большого Джона и вывела его на прогулку.

Когда я вернулась, моя старшая сестра Кунико спросила, не хочу ли я съесть вкусный рисовый шарик или принять ванну.

– Я буду есть только те рисовые шарики, которые приготовила мама. А купаться я буду только с папой, – ответила я.

После чего погрузилась в молчание. И весь оставшийся вечер не произнесла ни слова.

Кунико стала готовить меня ко сну. Она укрыла меня моим любимым одеялом – бирюзовым, с белыми тюльпанами. Уложила на матрас рядом с собой. Я тогда еще не могла заснуть без груди, так что она дала мне пососать свою грудь, пока я не задремала.

На следующее утро папа пришел меня забрать. В окия есть неписаное правило: посетители допускаются только с десяти часов утра. Но папа пришел очень рано – в половине седьмого.

Я была в восторге, когда увидела его.

– Пока, до свиданья, – попрощалась я и выскочила за дверь.

Госпожа Оима крикнула мне вдогонку:

– Пожалуйста, возвращайся как можно скорее.

– Да, – ответила я.

На самом деле я хотела сказать совсем не это. «Я никогда не вернусь!» – эти слова вертелись у меня на языке. Но я так и не смогла заставить себя произнести их.

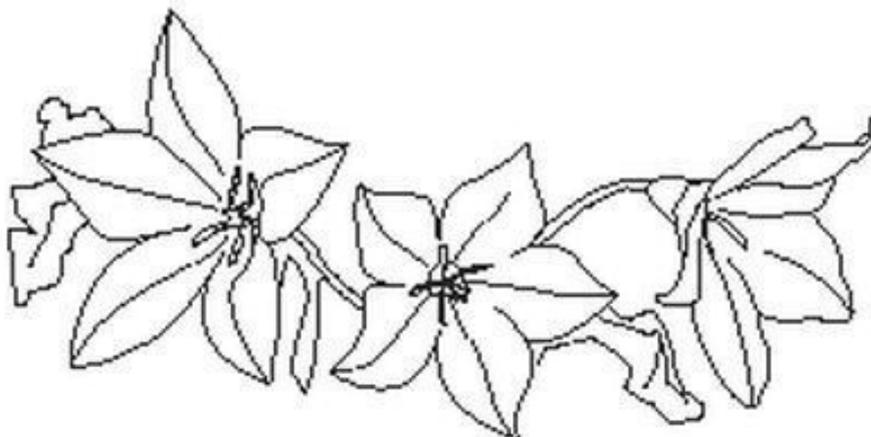
Мама была так рада меня видеть, что казалось, будто она вот-вот заплачет. Но я, увернувшись от ее объятий, напрямик помчалась в свою укромную кладовку.

Мама выманила меня из темноты моей любимой едой – онигири. Это что-то вроде рисового бутерброда, только снаружи у него – водоросли, а внутри спрятано что-то вкусное, вроде маринованных слив или кусочков лосося. Мне же больше всего нравились онигири с хлопьями сушеного бонито. Именно такое лакомство в тот день сделала мне мама. Сушеная рыба бонито – это основа японской кухни. Хлопья из нее часто используются в супах и для придания оттенка вкуса другим блюдам.

Эти онигири были невероятно вкусными.

Так происходил мой переезд в окия Ивасаки. Сначала я осталась там на одну ночь. Потом – на две. Иногда я проводила там несколько дней. Позже эти дни растянулись в недели. И наконец, через несколько месяцев после того, как мне исполнилось пять, я переехала в окия насовсем.

5

Современному человеку трудно понять, какое место занимают хозяйка окия и ее преемница в иерархии Гион-кобу. Влияние их огромно. Хозяйка окия – это королева в своих владениях, атотори – наследница ее престола, а остальные жительницы окия – лишь придворные, которые обязаны выполнять приказы без споров и вопросов.

Госпожа Ивасаки не делала никаких официальных объявлений, однако с самого первого дня, когда я переступила порог окия, она вела себя так, словно я ее атотори. И остальных заставляла относиться ко мне соответственно. Прочие женщины в окия должны были мне прислуживать и исполнять все мои желания. Они обращались ко мне в самых почтительных выражениях и только после того, как я сама с ними заговорю. Думаю, некоторые из них завидовали мне, но в их же интересах было во всем угождать госпоже Оиме, так что я ни разу не заметила отрицательной реакции на мое появление. Более того, все происходящее казалось мне совершенно естественным.

Госпожа Оима попросила называть ее тетушкой, и я была рада выполнить ее просьбу. Во время каждого приема пищи я по-прежнему сидела на почетном месте рядом с тетушкой Оимой. Мне всегда подавали лучшие кусочки и обслуживали первой.

Вскоре после моего переезда в окия стали приходить портные, которые снимали с меня мерки. В результате уже через несколько дней у меня был новый гардероб: пальто и платье в западном стиле, а также японское кимоно и оби. С тех пор все свое детство и юность я носила только сшитую вручную одежду. В нашем квартале ходила в кимоно, но во время выходов в театр кабуки, на поединки сумо и в парк развлечений надевала платье. Тетушка Оима часами со мной играла и выдумывала тысячи способов занять меня. Она позволяла мне сколько душе угодно рассматривать кимоно гэйко. Тщательно вымыв руки, я могла трогать богатую вышивку, проводить пальцем по осенним пейзажам и накатывающим волнам.

Она поставила для меня стол в гэнкане, чтобы я могла заниматься. Там я рисовала картины и делала прописи, точно так же, как делала это вместе с папой.

Мы превратили каменную чашу во внутреннем садике в аквариум для золотых рыбок. Задача была непростая, пришлось продумать ее исполнение до мелочей. Мы нашли чудесные камни и ряску, чтобы рыбкам было где прятаться. Принесли разноцветную гальку, изящный мостик и фигурку цапли и создали для моих питомцев сказочные декорации.

Однажды мы с тетушкой Оимой сидели в садике и чистили чашу-аквариум – это было одним из моих любимых занятий, потому что я могла ни с кем не разговаривать. Я бы ее

чистила каждый день, но тетушка не разрешала. Она сказала, что рыбки не выживут, если вода будет слишком чистая. Надо дать воде постоять, чтобы появились водоросли.

Однажды я задала вопрос, который меня тревожил:

– Тетушка, ты разрешаешь говорить со мной всего нескольким людям. Например, это можешь делать ты сама, а еще – Старая Злюка. Но почему Яэко тоже разрешается со мной говорить? И почему ее сыновья живут в моем доме?

– Ой, Минэ-тян, я думала, ты знаешь. Яэко – это первая дочь твоих родителей. Твоя самая старшая сестра. Твои мама и папа приходятся ее сыновьям бабушкой и дедушкой.

У меня было такое ощущение, словно я сейчас упаду в обморок или меня вырвет. Я закричала:

– Это неправда! Ты врунья! – Возмущению моему не было предела. – Такой старый человек не должен врать. Потому что ты скоро отправишься к Энме (Королю Ада), и он вырвет твой язык за то, что ты мне солгала!

И я зарыдала.

Тетушка Оима как можно спокойнее и мягче ответила:

– Мне жаль, дитя мое, но это правда. Странно, что тебе никто об этом не рассказывал.

Разумеется, я и раньше понимала, что страшная Яэко появилась в моем мире не случайно, но на деле все оказалось гораздо хуже. И если Яэко была моей сестрой, значит, эти мальчики приходились мне племянниками!

– Не беспокойся из-за нее, – утешала тетушка Оима. – Я тебя защищу.

Мне очень хотелось ей поверить, но все равно, стоило Яэко появиться поблизости, как у меня подводило живот.

В первое время после переезда я старалась держаться рядом с тетушкой. Но спустя пару недель почувствовала себя более уверенно и принялась изучать новую территорию. В качестве укрытия я решила использовать кладовую под лестницей. В этой кладовой свои постельные принадлежности хранила Кунико. Всякий раз, устраиваясь на стеганых покрывалах, я вдыхала ее запах. Она пахла точно так же, как моя мама.

Чуть позже я отважилась совершить вылазку на второй этаж. Там я нашла еще одну кладовую, которая мне понравилась, и решила использовать ее как запасной вариант. На втором этаже располагались четыре большие комнаты, а еще – множество туалетных столиков с баночками для макияжа майко и гэйко. В то время они не особенно меня заинтересовали.

Гостевой дом, куда я добралась в следующую очередь, оказался настоящей находкой. Главная комната считалась «лучшей» в окия, в ней принимали только самых важных посетителей. Она была просторной, полной воздуха и безупречно чистой. Из всех, кто жил в окия, только я могла проводить в этой комнате время. В каком-то смысле, лишь я была здесь «гостьей».

Позади гостевого дома располагался сад в регулярном стиле. По размеру он был таким же, как и внутренний сад рядом с алтарной комнатой. Я могла часами сидеть на веранде, завороженная красотой камней и мха.

За садом скрывалась купальня, в которой стояла большая современная ванна из пахучего белого кедра хиноки. Тетушка Оима и Кунико купали меня каждый вечер. Я помню, как ароматы сада врывались в заполненную паром купальню через окно под потолком.

Мы с тетушкой Оимой обычно спали в алтарной комнате. Пока я не усну, она разрешала мне сосать ее грудь. Иногда, если ночь была особенно теплой, а луна особенно яркой, мы перемещались в гостевой дом.

Случалось, что я спала с Кунико в столовой. Комнаты в традиционных японских домах покрыты татами, мебели в них почти нет. Каждая такая комната может использоваться с разными целями. Например, гостиные часто служат и спальнями. Кунико была ученицей домоправительницы, так что ей доверили важную роль: присматривать за кухней и очагом, сердцем

дома. Ночью она отодвигала низкие столики в сторону и раскладывала свой матрас на татами. Когда я переехала в окия, Кунико исполнился двадцать один год. Прижимаясь к ее теплому округлому телу, я ощущала спокойствие. Она обожала детей и заботилась обо мне, будто я была ее родной дочкой.

Привыкнув просыпаться рано в отцовском доме, я и здесь открывала глаза уже в шесть утра. Другие женщины ложились поздно, так что в этот час окия была безлюдна. Даже служанки еще спали. Обычно я просто лежала, свернувшись на своем матрасе, и читала одну из книжек с картинками, которые принес мне папа. Но иногда надевала тапочки и бродила по дому.

Две служанки отодвигали ширму и устраивались на ночь на татами в гэнкане. У Старой Злюки была личная комната в середине коридора – как объяснила Кунико, она удостоилась такой чести из-за того, что носила фамилию Ивасаки. Остальные гэйко и майко, том числе Томико, спали все вместе в большой гостиной. Позже там ночевали еще Итифуми, Фумимару и Яэмару. В доме была еще одна большая комната, но она служила не для сна, а для переодеваний.

И лишь одна женщина жила отдельно, хотя казалось, что она постоянно находится в доме. Ее звали Тадзи, но все называли ее Аба, «Младшая Мама». Она следила за приготовлением пищи, одеждой, закупками и уборкой. Аба была замужем за братом тетушки Оимы.

Я пыталась разобраться с иерархией, принятой в окия. Здесь все было совсем не так, как у нас в семье, где папа готовил, мама отдыхала и ко всем детям родители относились одинаково. От этого казалось, что в семье все равны.

Жительницы окия делились на две группы. К первой принадлежали тетушка Оима, Старая Злюка, гэйко, майко и я. Аба, Кунико, ученицы и служанки относились ко второй. У первой группы было больше власти и привилегий. Это меня расстраивало, потому что Кунико, которую я любила, не принадлежала к моей группе, а люди, которые мне не нравились – например, Яэко, – наоборот.

Представители второй группы иначе одевались, пользовались другими туалетами и не притрагивались к пище, пока не заканчивали есть мы. У них и еда была другая, и сидеть им приходилось не в центре столовой, а возле кухни. И только они, насколько я могла судить, постоянно были заняты делом.

Однажды я увидела на тарелке Кунико рыбу, запеченную целиком. Рыбе не отрезали ни голову, ни хвост, и выглядела она невероятно аппетитной. Никогда прежде я не видела ничего подобного, в доме моих родителей ели только порционно нарезанную рыбу – пережиток папиного аристократического воспитания.

– Аба, что это такое?

– Это называется сардина.

– А можно мне попробовать?

– Нет, дорогая, эта еда не для тебя. Тебе не понравится.

Сардины считались крестьянской пищей, а мне подавали только лучшие виды рыбы: морской язык, палтус, угорь. Но подумать только – рыба, приготовленная с головой и хвостом! В тот момент это блюдо казалось мне деликатесом.

– Хочу есть то, что ест Кунико!

Я редко канючила, но в тот раз желание съесть рыбу пересилило хорошее воспитание.

– Эта еда не подходит для атотори, – сказала Аба.

– Мне все равно, я хочу это. Я хочу есть то, что едят другие, и я хочу, чтобы мы все ели вместе.

Внезапно, как по волшебству, в столовой появился стол, и с того самого дня мы все стали есть вместе – как у меня дома.

Однажды тетушка Оима объявила, что дает мне новое имя – Минэко. Я была в ужасе. Я знала, что у нее достаточно власти, чтобы сменить кличку собаке, но и представить не могла, что она так же поступит со мной. Имя Масако дал мне мой папа, и я думала, что ни у кого нет права его менять. Я сказала, что она не может так поступить.

Тетушка Оима терпеливо объяснила, что Старую Злюку тоже зовут Масако, и, если у нас с ней будет одно и то же имя, возникнет путаница. Я все равно не соглашалась. Но она меня не слушала.

Тетушка Оима начала называть меня Минэко и настаивала, чтобы и другие ко мне обращались так же. Я не откликалась. Если кто-то называл меня Минэко, я либо делала вид, что не слышу, либо разворачивалась на пятках и мчалась в кладовку. Сдаваться мне решительно не хотелось.

Наконец тетушка Оима послала за моим отцом. Он как мог старался меня вразумить:

– Если ты хочешь, я заберу тебя домой, Масако. Ты не должна это терпеть. Или ты можешь представлять, что, когда они говорят «Минэко», они как будто зовут тебя «Масако». Хотя, наверное, это будет не слишком приятно. Так что, может, тебе и правда лучше вернуться со мной.

Старая Злюка вставила свои пять копеек:

– Мне вот ни капли не хочется тебя удочерять, уж поверь. Но раз тетушка Оима сделала тебя приемницей, то у меня нет выбора.

– Что она такое говорит, папа? Когда это меня удочерили? Я ведь не их дочь, правда? Я ведь твоя?

Тогда я еще не знала, что атотори обязательно удочеряют.

– Ну конечно ты моя, Масако. Ты по-прежнему моя малышка. Твоя фамилия, как и прежде, Танака, а не Ивасаки.

Он попытался меня успокоить, а потом повернулся к тетушке Оиме:

– Знаете, я думаю, лучше будет, если я ненадолго заберу ее домой.

Но тетушка Оима всполошилась:

– Погодите минуту, господин Танака! Пожалуйста, не уходите. Я вас умоляю! Вы знаете, как я ее обожаю. Пожалуйста, не забирайте ее. Она так для меня важна. Только подумайте, что вы делаете. И попробуйте объяснить важность ситуации Масако. Уверена, она вас послушает. Пожалуйста, господин Танака. Пожалуйста!

Но папа был непоколебим.

– Извините, тетушка Оима. Эта девочка сама принимает решения. Я не буду заставлять ее делать то, что она не хочет. Знаю, что мы можем упустить большие возможности, но моя задача обеспечить ее счастье. Возможно, нам не стоит так торопиться. Я хочу еще раз все обдумать.

Тогда я единственный раз засомневалась в своем решении. Но сказанные отцом слова пробудили во мне чувство вины. «Ну вот опять, – подумала я. – Я опять думаю только о себе. У семьи снова начнутся проблемы, и все из-за меня».

Папа встал, собираясь уйти.

– Ничего, папа, это я так. Все хорошо. Пусть называют меня Минэко. Правда. Мне все равно. Я останусь здесь.

– Масако, тебе необязательно так говорить. Пойдем домой.

– Нет, я останусь здесь.

Я не была уверена, что тетушка Оима сделает из меня гэйко, как из большинства других обитательниц дома. Сама она не была гэйко – видимо, для ее должности это было необязательно.

И все же она часто говорила со мной о танце. К тому времени я уже понимала, что все гэйко-танцовщицы начинали карьеру как майко. Тетушка Оима то и дело рассказывала мне о легендарных майко былых времен. Меня не особенно интересовала возможность стать майко,

но я очень хотела танцевать – вовсе не для того, чтобы выпендриваться перед другими. Просто мне казалось, что танец – это прекрасно. Я хотела танцевать для себя.

Тетушка Оима пообещала, что я смогу начать учиться в день 6-6-6. Шестого июня после моего пятого дня рождения (по старой системе он считался моим шестым днем рождения, потому что год, когда человек родился, принимали за первый год). Шесть-шесть-шесть. Этот день мне представлялся волшебным, и он неумолимо приближался. Однажды тетушка Оима сказала, что мы должны решить, кто будет моей «старшей сестрой».

В женском обществе Гион-кобу все друг другу приходится названными родственницами, и старшинство определяется согласно статусу. Хозяек окия и отяя¹¹, независимо от возраста, называют матушками или тетушками, в то время как майко и гэйко считаются старшими сестрами для тех, кто начал работать после них. Кроме того, для каждой майко и гэйко назначают «куратора», и эта женщина считается ее личной Онэ-сан, то есть Старшей Сестрой.

Старшая гэйко является примером для подражания и наставницей для младшей. Она контролирует ее успехи на поприще искусства и выступает посредницей в конфликтах, которые могут возникать между воспитанницей и учителями или соученицами. Еще она помогает младшей сестре готовиться к дебюту и на первых порах сопровождает ее на банкетах. Онэ-сан обучает девушку тонкостям этикета в банкетном зале и знакомит с важными клиентами и другими людьми, которые могут способствовать ее карьере.

Однажды я услышала, как тетушка Оима, матушка Сакагути и Старая Злюка советуются, кого назначить моей Онэ-сан. Матушка Сакагути предложила Сатохару.

Ах, если бы мне дали ее!

Сатохару принадлежала семье Сакагути и жила в окия Тамаки. Она считалась одной из самых известных гэйко – тонкая, изящная красавица, которая всегда была со мной мила и добра. Я до сих пор помню, как она восхитительно танцевала в «Тикубусиме» и «Огурикёку-бамонogatари». Я хотела быть похожей на нее.

И тут Старая Злюка упомянула о по-прежнему наводящей на меня ужас Яэко.

– А разве не будет естественнее всего, если мы дадим ей Яэко? Она ведь на самом деле ей старшая сестра, да к тому же из нашего окия. И хотя в прошлом Яэко принесла нам немало хлопот, думаю, на этот раз все будет хорошо.

Мое сердце сжалось.

Матушка Сакагути возразила.

– Я думаю, у Яэко куда больше недостатков, чем достоинств, – заметила она. – Зачем бросать тень ее побега и развода на Минэко? Наша малышка заслуживает большего. Кроме того, другие гэйко не любят Яэко. Какую пользу она сможет принести? И чем вам не подходит Сатохару? Я думаю, это был бы идеальный вариант.

В случае с воспитанием гэйко, как и в японском обществе в целом, личные взаимоотношения нередко становятся ключом к успеху. Именно поэтому матушка Сакагути хотела, чтобы моей наставницей стала та, что сможет поднять мой статус.

«Пожалуйста, послушайте ее», – мысленно умоляла я, прячась в своей укромной кладовой.

Но Старая Злюка не отступала.

– Боюсь, это невозможно, – сказала она. – Я бы, пожалуй, не смогла так тесно сотрудничать с Сатохару. Она мне кажется заносчивой и трудной в общении. Думаю, лучше будет выбрать Яэко.

Госпожа Сакагути попыталась ее переубедить, но Старая Злюка уже все для себя решила.

Позже я не раз размышляла, почему Масако выбрала для меня опозорившую свое имя Яэко, а не блистательную Сатохару. Возможно, она просто предпочла более послушную.

---

¹¹ Чайный дом.

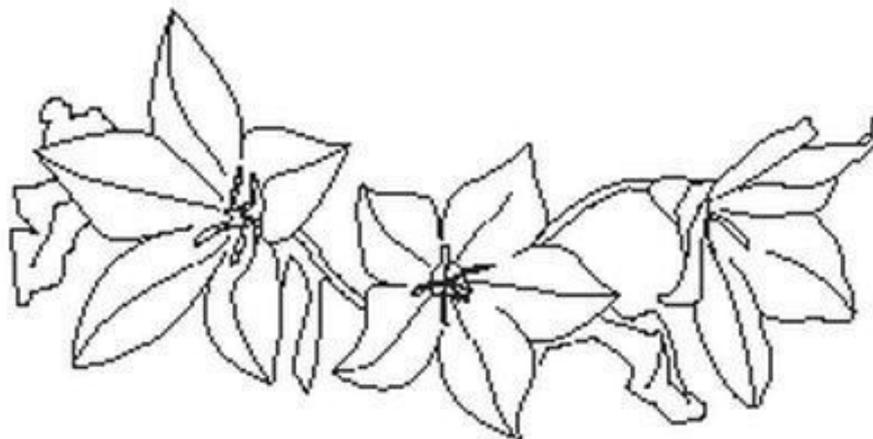
Так или иначе, моей «старшей сестрой» решено было назначить Яэко. Похоже, я никогда не смогу от нее избавиться.

Родители часто приходили меня навестить. Папа приносил книжки с картинками и мои любимые лакомства. Мама – то свитер, то платье, которые сама связала. Со временем меня стали пугать эти посещения, потому что Яэко в такие моменты впадала в очередной приступ ярости. Она кричала, что мои родители продали своих дочерей, и швыряла посуду на кухне. Меня все это ввергало в ужас.

В попытке защитить родителей я решила сделать все, чтобы они перестали приходить, и начала игнорировать их каждый раз, когда они появлялись в окия. Теперь, уже сама будучи мамой и оглядываясь назад, я даже представить себе не могу, насколько мучительна была для папы и мамы моя холодность.

Время шло, и я продолжала искать свое место – как в окия Ивасаки, так и на улицах Гион-кобу. После войны на окрестных улицах было полно детей, и у меня впервые появились друзья. Взрослые, знавшие, кто я такая и кем могу стать, осыпали меня подарками и вниманием. Я чувствовала себя очень уверенно под надежным щитом фамилии Ивасаки.

6

Тетушка Оима была превосходной рассказчицей.

Я провела множество холодных зимних вечеров, сидя с ней в обнимку возле жаровни. Мы жарили орехи и пили чай. Или коротали летний вечер, устроившись на табуретках в саду и обмахиваясь веерами.

Она рассказала, как появился Гион-кобу.

– В старые времена возле Императорского дворца, на улице Имадэгава, у реки, располагался квартал развлечений. Он назывался «Мир ив». В конце шестнадцатого века суровый военачальник Хидэеси Тоетоми, объединивший Японию, перенес «Мир ив» за пределы города. Он хотел, чтобы народ трудился в поте лица.

– И куда он его перенес?

– К югу от городка Фусими. Но поскольку людям по-прежнему нужны были развлечения, вместо «Мира ив» скоро появился другой подобный квартал. Как ты думаешь какой?

– Наш?

– Молодец! Тысячи лет к Святилищу Ясака стекались паломники, чтобы весной полюбоваться легендарными цветущими сакурами, а осенью – кленовыми листьями. В семнадцатом веке возле святилища стали открываться таверны под названием мидзукакэдзая, продававшие посетителям прохладительные напитки. Позже они превратились в современные отяя, а вокруг них вырос квартал Гион-кобу.

Святилище Ясака уютно устроилось у подножия Хигасиямы – горной цепи, которая окаймляет восточную границу Киото. Квартал Гион-кобу, расположенный к западу от святилища, занимает площадь около двух с половиной квадратных километров. Это место крестнакрест разлиновано аккуратной сеткой из ухоженных аллей. Ханамикодзи (тропа любования цветущими вишнями) проходит через середину квартала с севера на юг, а улица Синмондзэн прочерчивает его с востока на запад. Древний канал, подающий прозрачную воду с восточных гор, петляя, проходит через Гион-кобу наискосок. Улица Синбаси, на которой был расположен окия, ведет в сторону святилища.

Тетушка Оима рассказывала и о себе.

– Я родилась здесь, после того, как в Японию прибыл адмирал Перри¹². Если бы капитан Морган первой увидел меня, то он наверняка женился бы на мне, а не на Оюки.

---

¹² Мэтью Колбрайт Перри (1794–1858) – офицер и коммодор Военно-морских сил США. Считается, что именно он открыл Японию западному миру.

При этих словах я прямо-таки заливалась хохотом. Оюки была самой знаменитой гэйко всех времен, а американский миллионер Джордж Морган – ее постоянным клиентом. В итоге он на ней женился, пара переехала в Париж, а Оюки стала легендой.

– Но ты не могла быть такой же красивой, как Оюки! – кричали мы.

– Я была куда красивее! – шутливо возражала нам тетушка Оима. – У Оюки была странная внешность, большой нос... Но, знаете, иностранцам такое нравится.

Разумеется, мы ей не верили.

– Я стала накаи и потом поднялась до метрдотеля «Тимото» – знаменитого ресторана к югу от квартала Понто-тё. Я мечтала, что когда-нибудь сама открою ресторан.

Накаи – это женщины, которые организуют и контролируют проведение банкетов в чайных домах отяя и элитных ресторанах. Профессия накаи требует большого мастерства и особых навыков.

– Я тоже жила здесь, – говорила Аба. – Задолго до того, как вышла замуж за дядюшку. Наше заведение считалось одним из самых популярных в Гион-кобу. Видели бы вы, сколько посетителей приходило туда!

– У нас было четыре гэйко и две майко, – добавляла тетушка Оима. – Одна из наших гэйко, Ёнэю, стала главной звездой в Гион-кобу. Надеюсь, ты будешь похожа на нее, Минэко.

– В те времена у семьи матушки Сакагути был большой окия, – рассказывала тетушка Оима. – Моя мать, Юки Ивасаки, была с ними связана, поэтому окия Ивасаки – это подразделение окия Сакагути. Вот почему, когда я принимаю решения, я всегда прошу помощи у матушки Сакагути и зову ее матушкой, хотя я на десять лет старше.

Со временем фрагменты этой истории соединились в единое связанное целое.

Ёнэю сделала блестящую карьеру. В довоенной Японии она получала самые большие гонорары из всех гэйко, и именно благодаря ей окия Ивасаки стал таким успешным.

Она обладала классической красотой, мужчины так и падали к ее ногам. Одним из ее меценатов был очень влиятельный барон, который платил ей жалованье, чтобы в любой момент иметь возможность пригласить ее для собственного развлечения или увеселения гостей. Здесь надо сказать, что если знаменитая гэйко является по первому зову клиента, это свидетельствует о его высоком статусе в обществе.

1930-е годы были для Гион-кобу временем изобилия и процветания. Этот квартал привлекал гостей со всех уголков страны – мужчин, занимающих высочайшие ступени в деловых и аристократических кругах. Они соревновались друг с другом за право спонсировать самых популярных гэйко. Такое меценатство можно сравнить, скажем, с поддержкой оперного театра, когда, вместо того чтобы занять место в совете директоров, мужчина брал на себя финансовое обеспечение любимой дивы, не ожидая от нее при этом услуг интимного характера.

Барон платил Ёнэю исключительно ради ее совершенного владения искусством и того блеска, которым она окрашивала его репутацию. Однако будем смотреть правде в глаза: если рядом оказываются талантливые, красивые, элегантные женщины и богатые, могущественные мужчины, нельзя ожидать, что между ними не завяжутся отношения. Романтические связи возникали постоянно. Некоторые оканчивались свадьбой, другие – душевными страданиями. Например, я таким образом встретила любовь всей моей жизни. А Старая Злюка, наоборот, постоянно влюблялась в клиентов, которые в итоге разбивали ей сердце.

У Ёнэю были длительные отношения с очень влиятельным мужчиной по имени Сэйсукэ Нагано, наследником крупного концерна по производству кимоно. В довоенной Японии случаи, когда успешный мужчина заводил внебрачную связь, не были редкостью. Браки тогда заключались для продолжения генеалогической ветви, а не для удовольствия, поэтому у мужчин часто были любовницы.

Ёнэю забеременела от Сэйсукэ. Она родила девочку прямо в окия. Это случилось 24 января 1923 года и стало великой радостью для всех обитательниц дома. Рождение девочки

считалось подарком судьбы. Ее можно было воспитать в окия, и если бы она оказалась талантлива, то могла бы и сама стать великой гэйко. Или даже атотори. Появление же мальчика, напротив, вызывало одни проблемы. Окия – это дом, в котором живут только женщины. Так что матери новорожденного приходилось либо покинуть его и жить отдельно, либо отдать ребенка на воспитание.

– А как звали дочку Ёнэю? – спросила я.

– Ее звали Масако, – подмигнула тетушка Оима.

– То есть Старая Злюка – дочь великой Ёнэю? – не поверила я.

– Да, Минэко, как ты говоришь: «Старая Злюка» – это дочь Ёнэю. А я ей не родня.

У тетушки Оимы не было дочери, но я почему-то считала, что Старая Злюка приходилась ей внучкой. На самом деле она удочерила Ёнэю, чтобы линия наследования дома Ивасаки не прервалась. Та была идеальной кандидатурой в преемницы: достигла высот во всех дисциплинах, которыми должна владеть настоящая гэйко, и могла сама обучать следующее поколение. Она создала большую базу клиентов, которых знакомила со своими подопечными гэйко, и это должно было помочь ей поддерживать и развивать бизнес.

Одной из главных обязанностей хозяйки окия является обеспечение непрерывной цепочки наследования. Тетушка Оима и Ёнэю внимательно присматривали следующую преемницу. Поэтому рождение Масако привело всех в восторг. Они молились, чтобы у девочки оказались все необходимые для атотори качества.

Масако подавала большие надежды. В три года она начала осваивать дзюта (классическое японское искусство музыки и пения), в шесть – посещала занятия по чайной церемонии, каллиграфии и игре на японской лютне кото. Однако по мере ее взросления становилось очевидным, что характер у нее трудный. Масако росла резкой, саркастичной и не слишком дружелюбной.

Позже, по секрету, тетушка Оима рассказала, что Масако ужасно страдала из-за того, что была незаконнорожденным ребенком. Сэйсукэ регулярно навещал ее, но не мог официально признать свое отцовство, и это вызывало у Масако чувство нестерпимого стыда, от которого ее природная меланхоличность только усиливалась.

Наконец, тетушке Оиме и Ёнэю пришлось признать, что Масако не подходит на роль атотори, да и хорошая гэйко из нее тоже вряд ли получится. Они убедили Масако, что лучшим решением для нее будет выйти замуж и жить обычной жизнью. По окончании школы ее отправили в пансион для девушек при храме, чтобы она могла освоить домоводство и прочие полезные предметы. Однако эти занятия были так противны бедной Масако, что уже через три дня она решила вернуться домой и ждать, пока старшие не найдут ей мужа.

Не думайте, будто гэйко нельзя выходить замуж. Несколько самых успешных знакомых мне гэйко были замужем и жили отдельно, не в окия. Я особенно восхищалась одной такой гэйко – высокой, тонкой женщиной по имени Рэн, которая так искусно совмещала карьерный рост с заботой о муже! Большинству же от одной только мысли о таком образе жизни становилось страшно, и они откладывали замужество на то время, когда отойдут от дел. Находились и такие, что наслаждались своей независимостью и не собирались с ней расставаться.

В 1943 году, когда Масако исполнилось двадцать, состоялась ее помолвка с Тёдзиро Канаи. Потом он отправился на войну, а она осталась дома готовить себе приданое. К несчастью, свадьба так и не состоялась – Тёдзиро погиб в бою.

Между тем семье Ивасаки пришлось снова искать преемницу для Ёнэю. Именно тогда общий знакомый представил тетушку Оиму моему отцу, и она согласилась взять его старшую дочь Яэко в окия. Это случилось в 1935 году. Яэко было десять лет.

Она росла очаровательным ребенком – общительным и веселым. И была красива, как Мона Лиза. Тетушка Оима и Ёнэю решили воспитать ее как новую атотори.

Благодаря колоссальному успеху Ёнэю у них была возможность вложить в карьеру Яэко огромные средства. В тринадцать лет Яэко представили публике как майко под именем Яэтиё. До войны девочкам необязательно было оканчивать девятый класс, чтобы стать майко. Некоторые дебютировали уже в восемь-девять лет. Эффектный дебют Яэко в карюкай планировали три года.

Два десятка лет спустя люди еще говорили о роскошных одеяниях Яэко. Кимоно для девочки заказывали в лучших магазинах Киото – например, в «Эримане». Каждый из ее многочисленных нарядов стоил как новый дом. Тетушка Оима и Ёнэю не пожалели денег и приобрели великолепные украшения для волос и другие атрибуты костюма майко. Гардероб Яэко должен был говорить о богатстве и власти клиентов дома Ивасаки.

В честь дебюта барон-покровитель Ёнэю подарил тринадцатилетней Яэтиё рубин размером с косточку от персика. В Гион-кобу экстравагантные подарки были в порядке вещей.

Но Яэко ничто не радовало. Она была абсолютно несчастна, поскольку считала, что родители предали ее, и ненавидела свою работу. Позже сестра говорила, что из рая она прямиком провалилась в ад.

Прежняя жизнь у бабушки Тамико была для нее блаженством. Бабушка обожала Яэко, они почти не разлучались. Бабушка отдавала приказания пятидесяти слугам и многочисленным родственникам, а Яэко в это время сидела у нее на коленях. Иногда бабушка вскакивала, кричала: «Смотри, Яэко!» и принималась гоняться за моей мамой с алебардой. Похоже, Яэко все это казалось весьма забавным.

Когда она была совсем маленькой, то принимала родителей за прислугу в доме дедушки и бабушки. Обращаясь к ним, она обычно говорила: «Эй, ты!»

Надо ли объяснять, каким шоком для избалованной девочки явилось жесткое расписание в окия Ивасаки и весь принятый здесь протокол поведения? Яэко просто не могла осознать тот факт, что ее рай был адом для матери. Она была слишком мала, чтобы понимать финансовое положение семьи. Ее злость стусилась в пылающее ощущение себя жертвой, и это чувство Яэко пронесла через всю жизнь.

Думаю, она действительно страдала, хотя вовсе не была единственной девочкой из аристократической семьи, оказавшейся в таком положении. Многие родовитые семейства обнищали после Реставрации Мэйдзи. Они обеспечивали будущее своих дочерей, отправляя их учиться в карюкай. Здесь девочки могли практиковать искусство танца и чайной церемонии, которым обучились еще дома, носить дорогие кимоно, к которым привыкли с детства, становиться финансово независимыми и в итоге получали шанс выйти замуж за достойного человека.

Но все это было не для Яэко. Ей казалось, что ее обманули.

Яэко прятала обиду за тщательно вылепленной маской беспечной соблазнительницы. Она ухитрилась работать по минимуму, а получать – по максимуму.

В шестнадцать Яэко влюбилась в одного из своих клиентов – молодого человека по имени Сэйдзо Уэхара, который регулярно сопровождал своего отца во время его визитов в Гион-кобу. Семья Уэхара происходила из Нары, там у них была крупная компания по производству шляп. Завязавшиеся отношения как будто даже смягчили ее нрав, и, так как Сэйдзо не был женат, никто не видел в их романе проблемы.

Сначала тетушка Оима и Ёнэю были довольны успехами Яэко. Если Ёнэю была первой гэйко в Гион-кобу (а значит – во всей Японии), то Яэко очень скоро стала второй. Имена Ёнэю и Яэтиё знала вся страна. Казалось, что перспективы у окия Ивасаки самые радужные.

Однако вскоре стало понятно, что Яэко относится к своей работе несерьезно. Такое случается: майко, особенно такая сногшибательная, как Яэко, легко добивается успеха благодаря великолепным костюмам и почти детскому обаянию, но ее карьера не может достичь пика, если девушка не монетизирует свой талант. Яэко была ленива и недисциплинированна. Она

ненавидела уроки, во время репетиций считала ворон, быстро теряла интерес ко всему, что делала, и никогда не доводила начатого до конца. Яэко не продвигалась в танце.

Тетушку Оиму это страшно тревожило. Они с Ёнэю столько вложили в Яэко, а теперь начали сомневаться, что из нее получится преемница. Но выбора не было: кандидатура Масако уже не рассматривалась.

В конце концов они удочерили Яэко почти автоматически.

И тут дела пошли под откос.

Через год после того, как Яэко стала майко, в 1939 году, мать тетушки Оимы, тетушка Юки, умерла.

Тетушка Оима стала главой семьи Ивасаки. Ёнэю по-прежнему активно работала гэйко и не готова была отойти от дел, так что тетушке Оиме пришлось отложить свои мечты о ресторанчике в долгий ящик и принять на себя управление окия.

Примерно тогда же в дом Ивасаки поступила моя сестра Кунико. Кунико была третьей дочерью моих родителей и в то время училась в начальной школе. Она обладала множеством прекрасных качеств и лишь двумя недостатками, которые, к несчастью, не позволяли ей стать майко. Во-первых, у нее было слабое зрение, из-за чего она не могла ориентироваться в пространстве без очков. И, во-вторых, ей досталось телосложение моей мамы – то есть она была низенькая и полная. Поэтому начальство решило, что лучше воспитать из Кунико помощницу, чем пытаться сделать из нее гэйко. Девочку отправили в обычную школу, а потом она стала учиться у Абы в качестве ее ассистентки.

8 декабря 1941 года Япония вступила во Вторую мировую войну. Она растянулась на четыре долгих года, в течение которых Гион-кобу, как и вся страна, испытывал тяжкие лишения. Все ресурсы государства были брошены на обеспечение армии, и в 1943 году правительство временно закрыло Гион-кобу. Многие гэйко отправились домой, к семьям. Тех, кто остался, мобилизовали для работы на фабрике боеприпасов.

В окия Ивасаки не было кимоно из темно-синего хлопка, принятого на фабрике, так что гэйко шили себе рабочую одежду из старых шелковых нарядов. Думаю, людям за пределами карюкай они казались очень странными. По словам тетушки Оимы, даже в таких условиях девушки продолжали соревноваться друг с другом: пришивали воротники, аккуратно заплетали волосы в две длинные косы и носили белоснежные косынки. Они хотели быть женственными, несмотря ни на что, а на фабрику шли, выстроившись в шеренгу и высоко подняв головы.

Тетушка Оима разделила имущество окия на три части и каждую отправила на хранение в особое место.

В доме она разрешила остаться только главным членам семьи: Ёнэю, Масако, Яэко и Кунико. Остальных майко и гэйко она отослала к родителям. В городе закончилось продовольствие. Тетушка Оима и Кунико рассказывали, как боялись умереть от голода. Кое-как они пытались прокормиться найденными корешками и жидкой похлебкой из подсоленной воды с горсткой крупы.

Молодой человек Яэко, Сэйдзо, стал офицером. Всю войну его подразделение было квартировано в Японии, так что отношения Сэйдзо и Яэко продолжались. В 1944 году она объявила, что покидает дом Ивасаки и выходит замуж. Она еще не выплатила денег, которые окия Ивасаки вложил в ее карьеру, но тетушка Оима не хотела с ней ссориться. Она решила взять эти убытки на себя и милостиво разрешить Яэко расторгнуть контракт. Подобные нарушения договора иногда случались, хотя и считались чрезвычайно дурным тоном. Яэко развернулась и ушла.

Поскольку официально она по-прежнему была членом семьи Ивасаки и тетушка Оима относилась к ней как к дочери, то она снабдила ее достойным приданым. Яэко забрала с собой

ювелирные украшения, в том числе рубин, который подарил ей барон, два больших платяных сундука с ценными кимоно и оби, переехала в Осаку и начала новую жизнь.

В декабре того же года окия Ивасаки понес еще одну тяжелую утрату. – от болезни почек скоропостижно скончалась Ёнэю. Ей было всего пятьдесят два года. Тетушка Оима осталась без наследницы. А Масако, которой едва исполнилось двадцать два года, – без матери.

Так обе звезды окия Ивасаки погасли.

Война закончилась 15 августа 1945 года. В истории окия Ивасаки никогда не было такого тяжелого периода. В просторном доме теперь жило всего три женщины: стареющая тетушка Оима, подавленная Масако и Кунико. Тетушка Оима призналась, что была готова вовсе закрыть заведение.

Внезапно дела стали налаживаться. Американские оккупационные войска приказали вновь открыть Гион-кобу, и карюкай начал медленно оживать. Часть театра Кабурэндзо конфисковали под танцевальный зал. Теперь офицеры посещали отяя. Несколько гэйко и майко, уехавших во время войны, попросили разрешения вернуться в окия. Среди них была и Коюки, одна из любимых публикой гэйко из дома Ивасаки. Вслед за ней приехала и Аба. Окия Ивасаки снова был в деле.

Я спросила у тетушки Оимы, трудно ли было приветливо встречать в отяя американцев, которым Япония только что проиграла войну. Она ответила, что все было не так однозначно. Конечно, определенная горечь присутствовала, однако в целом офицеры были любезны. Большинство представителей квартала радовались, что можно снова вернуться к работе. К тому же умение обслужить почетных гостей одинаково приветливо, не проводя различий, является одним из достоинств обитательниц карюкай. Потом тетушка рассказала мне одну историю, в которой, как мне показалось, я разглядела ее настоящие чувства.

Однажды вечером Коюки пригласили выступить на банкете, который устраивали для генерала Макартура в «Итириикитэй». Его так восхитил ее наряд, что он спросил, можно ли увезти это кимоно с собой в США.

Хозяин «Итириикитэй» передал эту просьбу тетушке Оиме, и она ответила так: «Кимоно – это наша жизнь. Он может забрать кимоно, но тогда ему придется взять с собой и меня тоже. Пусть он оккупировал мою страну, но никогда не сможет оккупировать мою душу!»

Хозяин «Итириикитэй» передал ее слова генералу, и тот никогда больше не спрашивал насчет кимоно. Всякий раз, рассказывая мне эту историю, тетушка Оима высоко вздергивала подбородок и широко улыбалась. Из всех ее качеств мне особенно нравилось чувство собственного достоинства.

То самое кимоно и сейчас хранится в сундуке у меня дома.

Следующие несколько лет окия Ивасаки, как и вся Япония, с трудом, но упорно двигался вперед.

Масако по-прежнему ждала с войны своего жениха. Лишь в 1947 году власти известили семью о его гибели. Масако была в отчаянии. Она несколько дней плакала, прижимая к груди свадебное покрывало. Теперь она осталась совсем одна. У нее отняли будущее, и идти ей было некуда.

После долгого разговора с тетушкой Оимой Масако решила стать гэйко. В 1949 году, в двадцать шесть лет, она под псевдонимом Фумитиё дебютировала как гэйко-дзиката (музыкант).

Фумитиё была красива, но ей не хватало умения очаровывать клиентов. У нее отсутствовали та игривая хитрость и чувство юмора, которые необходимы для того, чтобы быть успешной. Гэйко мало в совершенстве овладеть каким-то видом искусства – гораздо важнее любить свою профессию страстно и работать со рвением. Но все это требует глубокой преданности делу, огромного труда, непоколебимого самообладания и присутствия духа, чтобы оставаться спокойной даже в катастрофической ситуации.

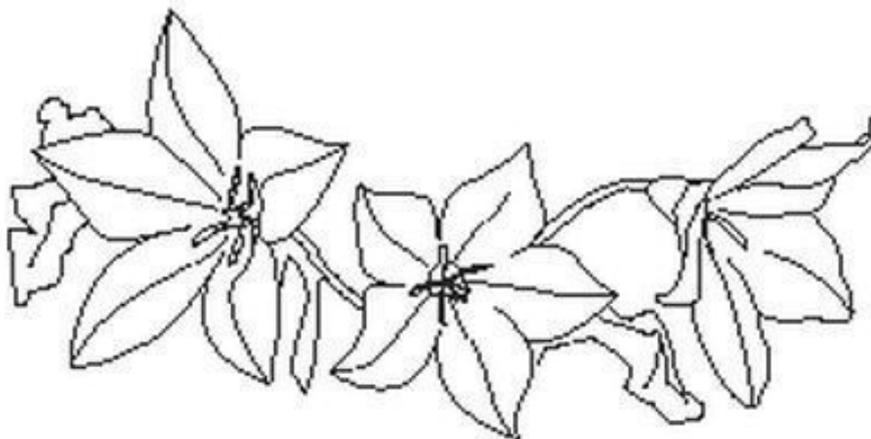
Масако была всего этого лишена. Однако выбора у нее не оставалось, и она продолжала выступать. Вскоре случилось новое несчастье: она слегла с туберкулезом и смогла вернуться к работе лишь спустя год, в начале 1950-х. Впрочем, ее беспорядочные усилия не могли поправить финансовое положение дома.

К тому времени Кунико достигла брачного возраста – ей исполнилось восемнадцать. Несмотря на несколько поступивших предложений, она отказывалась обсуждать тему замужества. Кунико считала, что должна и дальше жить в окия Ивасаки, чтобы, после бессовестного ухода Яэко, постоять за честь нашей семьи. Следующие тридцать лет Кунико проработала в окия Ивасаки и на всю жизнь осталась одинокой.

В этот период окия Ивасаки едва сводил концы с концами. Дому принадлежала великолепная коллекция нарядов, в нем работал полный штат, обученный одевать в эти наряды гэйко, но при этом не было самих гэйко, которые могли бы эти кимоно носить. Горстке работавших тогда женщин было не по силам тащить на своих плечах весь бизнес. Тетушка Оима снова должна была искать новые таланты. Именно поэтому зимой 1952 года она пришла к моим родителям, чтобы поговорить о Томико.

Кроме того, после потери Ёнэю и Яэко, ей требовалось найти наследницу.

7

Тетушка Оима никак не ожидала снова увидеть Яэко. Однако ровно через месяц после прибытия Томико в окия Ивасаки та без приглашения явилась в дом и объявила, что возвращается к работе.

Брак Яэко стал настоящим кошмаром: Сэйдзо оказался неисправимым бабником. Вдобавок ко всему он ввязался в какие-то сомнительные махинации и спустил все их деньги. После чего бросил Яэко с двумя маленькими сыновьями и горой долгов, ответственность за которые по закону ложилась на нее. Яэко подала на развод и подумала, что, если она снова вернется в окия Ивасаки, все проблемы будут решены. Яэко просила тетущку Оиму уплатить ее долги. Деньги она планировала вернуть, снова став гэйко.

Тетушка Оима подумала, что Яэко сошла с ума. Все эти планы были неосуществимы по множеству причин, перечислять которые пришлось бы ужасно долго. Во-первых, Яэко больше не носила фамилию Ивасаки. Она стала Уэхара. Так как она перестала быть членом семьи, то не могла стать атотори. Но даже если бы Яэко получила официальный развод, тетущка Оима не стала бы снова назначать ее преемницей. Яэко на деле показала, что она не заслуживает такой чести: она была слишком эгоистична и безответственна.

Во-вторых, когда гэйко уходит в отставку, ее карьера считается оконченной. Яэко пришлось бы дебютировать заново. У нее не осталось ни одного наряда, а одеяние гэйко стоит целое состояние. К тому же это она задолжала дому Ивасаки немалую сумму, а не наоборот. Теперь все запасы тетущки Оимы уходили на подготовку к дебюту Томико. У нее не было лишних денег, чтобы выплачивать долги Яэко. В любом случае, Яэко отвернулась от окия в тяжелые времена, и тетущка Оима ей этого не простила.

На этом список причин не заканчивался. Даже в период активных выступлений Яэко была не слишком хорошей гэйко, так что вряд ли она стала бы лучше теперь. Семь лет она не брала уроков танца. Людям она не нравилась. И как быть с ее сыновьями? Они не могли жить с Яэко в окия Ивасаки.

Сама мысль об этом была противна тетущке Оиме. Проживание лиц мужского пола в окия было бы абсолютным нарушением канонов, что тревожило тетущку Оиму больше всего.

Перечислив эти причины четко и во всех подробностях, тетущка Оима отказала Яэко. Она предложила ей обратиться за помощью к свекру и свекрови, потому что за благополучие Яэко и ее детей теперь должны были отвечать именно они. Сама же Яэко, по мнению тетущки, могла найти работу в отяя или ресторане: ее подготовки для этого было бы более чем достаточно.

Во время всего разговора, продолжавшегося на повышенных тонах, тетушка Оима обронила, что теперь под ее опеку перешла Томико и она очень надеется, что в окия перееду я и стану наследницей дома.

Яэко несколько лет не общалась с родителями и не знала о моем существовании. Слова тетушки Оимы привели ее в ярость. Мало того, что на ее трон появилась новая претендентка, так еще эта претендентка оказалась очередным отродьем ненавистных ей родителей. Яэко пулей вылетела из окия Ивасаки и села на первый же трамвай.

Моя старшая сестра была очень хитра и за время короткой поездки до Ямасины проанализировала свои варианты. Она понимала, что сама теперь не сможет унаследовать окия Ивасаки. Но знала также и то, что единственной возможностью выплатить долги остаются ее будущие гонорары. Работа гэйко была самым быстрым способом получить деньги. Поэтому надо было как-то заставить тетушку Оиму взять ее назад.

«Так, и что же сказала старуха? Она сказала, что очень хочет, чтобы Масако поступила в окия Ивасаки».

Яэко читала мысли тетушки Оимы как раскрытую книгу и знала систему окия. Она понимала, как сильно тетушке Оиме нужна была я.

«Может, я смогу использовать эту маленькую дрянь как козырь и выторговать таким образом право вернуться в дом Ивасаки? – Наверняка подумала она. – А что еще? Ах да, мальчики. Не проблема. Пусть о них заботятся мои родители. Они передо мной в долгу».

На Яэко было темное кимоно с оби, украшенным бежевыми, коричневыми и черными геометрическими узорами. Я смотрела, как она переходит через мост и приближается к дому.

Мои родители оказались бессильны перед лицом ее ярости и собственного чувства вины. Яэко обвинила их в том, что они строгают детей на продажу. В ответ родители согласились взять в дом двоих ее сыновей.

Яэко вернулась к тетушке Оиме и сказала, что теперь она свободна, а значит, может переехать в окия и начать работу. Она пообещала тетушке, что подаст ей меня на блюде с голубой каемочкой.

Тетушка Оима оказалась в замешательстве. Она готова была взять Яэко, если это поможет ей заполучить меня. Несмотря на всю свою лень, Яэко когда-то была большой звездой. И эта звезда, пусть и слегка поблекшая, возможно, все же лучше, чем ничего. Она пошла посоветоваться с матушкой Сакагути.

– Я хочу познакомиться с малышкой, – сказала матушка Сакагути. – С той, в которую ты влюбилась. Я доверяю твоей интуиции и думаю, что нам надо сделать все возможное, чтобы она переехала в окия Ивасаки. Давай на какое-то время пойдем навстречу Яэко и повернем ее невзгоды себе на пользу. Но с условием, что и она поможет нам. В свое время она была очень популярна, и это принесет дому определенный доход и вернет былой лоск.

– А как же ее долги? У меня сейчас нет денег, чтобы их покрыть.

– Вот что мы сделаем. Давай я выплачу долг за тебя. Но это останется между нами – не хочу, чтобы Яэко о чем-то узнала. Ты должна контролировать ее как можно сильнее и не допустить, чтобы из-за нее у нас начались хоть малейшие неприятности. Отдашь деньги, когда она с тобой расплатится. По рукам?

– Я смиренно принимаю ваше щедрое предложение. – Тетушка Оима поклонилась до самого татами. – И сделаю все, что в моих силах, чтобы познакомить вас с Масако как можно скорее.

Яэко была в восторге оттого, что ее схема сработала. Она переехала в окия Ивасаки и готовилась вернуться к работе. Однако ей было нечего надеть: все кимоно дома Ивасаки хранились для дебюта Томико. Яэко хватило наглости пройти к кладовой с кимоно, вытащить несколько лучших нарядов и объявить: «Эти подойдут. Носить их буду я».

Тетушка Оима оторопела: очередная выходка Яэко была совершенно непозволительной. Мне трудно в полной мере выразить, насколько для гэйко важно кимоно. Наши наряды священны. Это символ нашего призвания. Их делают из тончайших и самых дорогих тканей в мире. Они воплощают красоту – такой, как ее понимаем мы. Каждое кимоно – это неповторимое произведение искусства, в создании которого владелец принимает активное участие.

Можно многое сказать о человеке, лишь взглянув на его кимоно. Оно свидетельствует о финансовом положении, чувстве стиля, происхождении семьи, свойствах личности. Фасон кимоно практически не меняется, но разнообразие цветов и узоров, а также материалов, из которых их шьют, просто умопомрачительное.

Подобрать кимоно под определенный случай – целое искусство. В первую очередь оно должно подходить по сезону. Согласно канонам традиционного японского вкуса, год делится на двадцать восемь сезонов, у каждого из которых – свои символы. В идеале цвета и узоры кимоно и оби должны отражать именно текущий сезон: например, в конце марта – соловьи, в начале ноября – хризантемы.

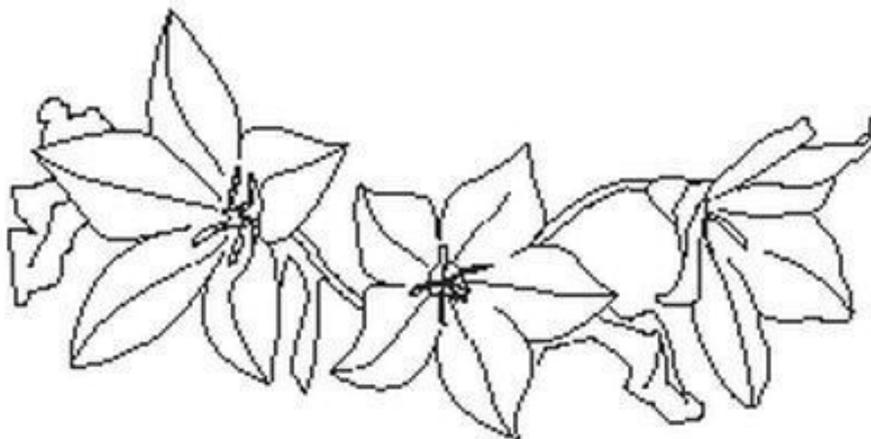
То, что Яэко ничтоже сумняшеся присвоила кимоно Томико, было откровенным оскорблением. Яэко все равно что напала на Томико или хамски влезла в ее личное пространство. Но тетушка Оима не могла ей помешать: тогда я еще не переехала к окия.

Яэко отправилась к моим родителям и заявила, что пообещала отдать меня в окия Ивасаки. Они раз за разом повторяли дочери, что она не имеет права принимать такое решение. Но Яэко отказывалась слушать.

Как раз во время этой отвратительной сцены я и решила отправиться жить к тетушке Оиме в окия Ивасаки. Но это решение я приняла сама, по собственной воле.

Вспоминая этот эпизод сейчас, удивляюсь, насколько я была упряма и решительна уже в таком нежном возрасте.

8

6 Июня 1954 Года я проснулась рано утром – точно так же, как дома у родителей. Над головой каркали вороны. На клене в саду появились молодые листочки.

Все, даже прислуга, безмятежно спали. Я достала одну из своих книжек, подарок отца, которую читала сама себе так часто, что давно знала ее наизусть.

В Японии есть давний обычай: у детей, которые пойдут по тропе искусства, обучение профессии официально начинается 6 июня на шестой от рождения год (6-6-6). Однако у некоторых занятия начинаются уже в три года.

Столь раннее обучение особенно характерно для двух великих форм традиционного японского театра: Но и кабуки. Театр Но, зародившийся в четырнадцатом веке, основан на древних придворных танцах, которые исполнялись в качестве подношения богам. Это аристократическое, величественное, лирическое действо. Театр кабуки появился двести лет спустя как развлечение для простого народа. Он более динамичен, в чем-то его можно сравнить с западной оперой.

Актеры театра Но и театра кабуки – исключительно мужчины. Сыновья лучших исполнителей начинают учиться в раннем детстве. Многие, став взрослыми, идут по стопам отца. Некоторые из современных знаменитых актеров могут проследить свою родословную на десять и более поколений.

В мой первый день занятий я проснулась на рассвете и нетерпеливо ждала момента, когда можно будет разбудить тетушку Оиму. Наконец сработал местный «будильник». На улице Синбаси, через дорогу от окия, была бакалейная лавка. Каждое утро пожилая хозяйка магазина чихала три раза. Очень громко. Ровно в 7:30. Много лет я определяла время по этому чиху.

Я потрясла тетушку Оиму за плечо:

– Уже можно идти?

– Еще нет, Минэко. Сначала надо кое-что сделать.

Она принесла маленькое жестяное ведро, внутри которого обнаружились щетки, маленькая метла, метелка для пыли, крошечные половые тряпки и маленькая баночка с чистящим порошком. Тетушка Оима продумала все до мелочей.

Мы пошли в алтарную комнату и произнесли утреннюю молитву. Потом тетушка подвязала мои длинные рукава шнурком, а метелку заткнула за оби сзади. После чего отвела меня в уборную и показала, как правильно мыть туалет.

Она вручила мне щетку для туалета, точно эстафетную палочку: это считалось первой обязанностью, которую надо передать своему преемнику. Работа тетушки Оимы теперь завершилась. Пришла моя очередь.

В окия Ивасаки было три уборных – большая редкость в те времена. Два туалета располагались внизу: один – для гэйко и гостей, другой – для obsługi. Третий был наверху, он предназначался для жительниц дома. В каждом из трех туалетов было по несколько раковин, установленных в ряд. Их тоже требовалось содержать в безукоризненной чистоте.

Это задание идеально подходило для меня. Я могла выполнять свою работу в полном одиночестве, ни с кем не общаясь.

Я казалась себе очень взрослой и полезной и очень гордилась, закончив уборку. Чтобы отметить этот важный день, Кунико приготовила для меня особенный завтрак. Было почти девять, когда мы поднялись из-за стола.

После завтрака тетушка Оима надела на меня новое «школьное» кимоно с красными и зелеными полосками на белом фоне и повязала красный летний оби для первой встречи с учительницей. В шелковой мешочке с ярким узором, который она мне также вручила, я нашла веер, тэнугуй (шарф для танцев) и пару новеньких таби – белых хлопковых носков точно по размеру.

Все это было упаковано в шелковые обертки, которые она сшила сама. Еще в мешочке лежали игрушка и перекус.

Учительницу танцев звали госпожа Кадзама. Я часто встречала ее в доме матушки Сакагути. Я знала, что она учила и Яэко, и Сатохару, поэтому предполагала, что она будет учить и меня. Но тетушка Оима сказала, что мы собираемся в дом иэмото Киомай Иноуэрю (главной наставницы Киотской школы танца Иноуэ), Ятиё Иноуэ четвертой. Оказалось, что моей учительницей будет сама иэмото.

Все облачились в официальные наряды, и мы пустились в путь. Вела нас тетушка Оима, следом шла Старая Злюка, затем Яэко, а потом – я. Замыкала шествие Кунико с моим мешочком в руках. Когда мы зашли в дом матушки Сакагути, к процессии присоединилась сама матушка Сакагути и госпожа Кадзама. До студии иэмото, располагавшейся в ее доме на улице Синмондзэн, нужно было идти всего несколько минут.

Нас проводили в приемную рядом с одним из репетиционных залов. Стояла полная тишина. Атмосфера была очень напряженная. Громкий звук заставил меня вздрогнуть – такой бывает, когда закрытым веером ударяют обо что-то твердое.

Оказалось, преподавательница сделала одной из учениц замечание, ударив ее веером по руке. Я подскочила от этого звука и инстинктивно побежала прочь, ища, где бы спрятаться. Очень скоро я заблудилась и оказалась перед туалетом. Через несколько секунд, полных паники, меня нашла Кунико и отвела к остальным.

Мы снова зашли в студию. Матушка Сакагути усадила меня рядом с собой в официальной позе и низко поклонилась иэмото.

– Госпожа Айко (так на самом деле звали иэмото), позвольте представить вам этого воспитательного ребенка. Эта девочка – одно из наших сокровищ, и мы молим вас проявить к ней величайшую заботу. Ее зовут Минэко Ивасаки.

Иэмото поклонилась в ответ.

– Я сделаю все, что в моих силах. Что ж, начнем?

Мое сердце забилось быстрее. Я понятия не имела, что надо делать, поэтому просто стояла как вкопанная. Иэмото подошла ко мне и мягко сказала:

– Минэ-тян, пожалуйста, опустишь на колени. Выпрями спину и положи руки вот так. Очень хорошо. Итак, прежде всего мы учимся держать маёги (веер для танцев). Давай я тебе покажу.

Веер танцовщицы немного больше обычного, он сделан из бамбуковых дощечек в тридцать сантиметров длиной. Маёги держат за поясом оби слева, верхняя часть веера должна смотреть вверх.

– Достань свой маёги из-за оби правой рукой и положи на левую ладонь, как будто держишь миску с рисом. Потом проведи ладонью по маёги до самого кончика и правой рукой возмись за него. Теперь наклонись вперед и положи маёги на пол, перед своими коленями, вот так, поклонись с абсолютно прямой спиной и скажи: «Онэгайсимас» («пожалуйста, выполните мою смиренную просьбу и научите меня»). Понятно?

– Да.

– Не да. *Да.*

Она произносила «да» как «хэй», как было принято в Гион-кобу, а не «хай», как я привыкла.

– А теперь попробуй ты.

– Да.

– *Да.*

– Да.

Я так сильно сосредоточилась на том, чтобы правильно положить перед собой маёги, что забыла попросить, чтобы меня научили.

– А как же «Онэгайсимас»?

– Да.

Иэмото снисходительно улыбнулась.

– Ну что ж. А теперь встань и попробуй сделать несколько шагов.

– Да.

– Не обязательно говорить «да» после каждой моей фразы.

– Ага, – кивнула я.

– И постоянно кивать тоже не обязательно. А теперь иди за мной. Держи руки вот так, ладони – вот так, а взгляд направляй вот туда.

Так все и началось. Я танцевала.

Традиционный японский танец совершенно не похож на западный. Его танцуют в специальных хлопковых носках таби, а не в обуви. Движения, в отличие, скажем, от балета – медленные, и внимание танцующего направлено к земле, а не к небу. Однако, как и в балете, чтобы выполнять движения, нужны очень тренированные мышцы. Движения учат в связках (ката), которые, в свою очередь, соединяются в отдельное произведение.

Школа Иноуэ считается лучшей школой традиционного танца в Японии. А значит, иэмото Иноуэ – самая могущественная фигура в этом мире. Она являет собой эталон, на основе которого оцениваются все остальные танцовщицы.

Когда урок закончился, матушка Сакагути сказала:

– Госпожа Айко, на сегодня, пожалуй, достаточно занятий. Большое спасибо за вашу доброту и внимание.

Мне показалось, что я провела в студии очень много времени.

Иэмото повернулась ко мне:

– Хорошо, Минэ-тян. Танец, который мы разучивали, называется «Кадомацу». На сегодня все.

Кадомацу – первый танец, которому учат в Школе Иноуэ малышей, только начинающих занятия. А еще кадомацу – это украшение из веток сосны, которое мы ставим в доме на Новый год. Сосна чудесно пахнет. Мне она напоминает о счастливых временах.

– Да, – сказала я.

– После того, как ты сказала «да», надо сесть и сказать «спасибо».

– Да, – повторила я.

– А потом, перед уходом из студии, надо еще раз сказать «спасибо», потом «до свидания», а потом сделать последний поклон. Понятно?

– Да, понятно. До свидания, – проговорила я и с облегчением вернулась в безопасное место рядом с матушкой Сакагути, лицо которой озарила широкая улыбка. Она была очень довольна.

Прошло еще немало времени, прежде чем я перешла от понимания к правильному выполнению, и еще больше потребовалось на то, чтобы освоить диалект гэйко. У меня дома говорили на другой разновидности киотского диалекта. Это был говор аристократии – гораздо медленнее и мягче, чем говор Гион-кобу.

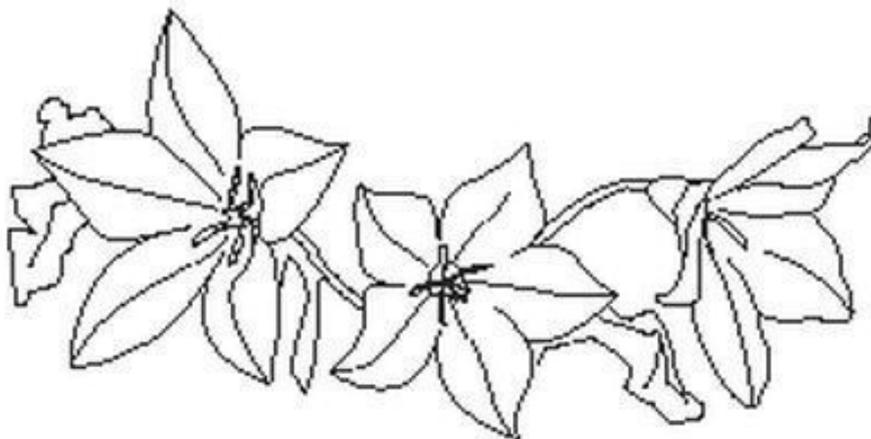
Матушка Сакагути погладила меня по голове.

– Замечательно, Минэко. Ты так хорошо постаралась. Какая ты умная малышка!

Тетушке Оиме едва удалось прикрыть улыбку ладонью.

Я не понимала, чем заслужила такую похвалу, но была рада, видя их обоих счастливыми.

9

ОКИЯ ИВАСАКИ находился в одном квартале к югу от улицы Синмондзэн, на улице Синбаси, через три дома от Ханамикодзи. Матушка Сакагути жила по другую сторону от Ханамикодзи, через шесть домов на запад от нас. Танцевальная студия иэмото располагалась на улице Синмондзэн в одном квартале к западу и в одном – к северу. Театр Кабурэндзо был в шести кварталах к югу. В детстве я везде ходила пешком.

Улицы Гион-кобу обрамляют элегантные витрины магазинов, предоставляющих услуги, которых требует местная индустрия. Кроме сотен окия и отяя, здесь есть цветочные лавки, магазины деликатесов, галереи искусств, а также магазины тканей, бутики с украшениями для волос и веерами.

Моя жизнь стала намного напряженнее после дня 6-6-6. Я начала брать уроки каллиграфии у чудесного мужчины по имени дядюшка Хори, который жил в двух домах от нас, а еще – уроки пения и игры на кото и сямисэне у его дочери, которая виртуозно владела одним из видов дзюта (это особый киотский стиль пения и игры на сямисэне), который был важен для Школы Иноуэ. Кото и сямисэн – это струнные инструменты, пришедшие в Японию из Китая. Кото – большая тринадцатиструнная лютня, которая лежит на полу перед музыкантом. Сямисэн – это трехструнный инструмент поменьше, на нем играют как на гитаре. Он используется для аккомпанемента к большинству наших танцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.